

«Это было недавно.
Это было давно».

« - И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадёт».
(из песни)

Сегодня 10 августа 2013 года. Ровно двадцать лет назад из аэропорта города Москвы, в 10 часов утра самолёт вылетел в Израиль. На борту самолёта, среди многих репатрианитов, почти со всего Союза, была одна супружеская пара, которая сидела тихо и по их лицам невозможно было понять, рады они тому, что сделали или это ошибка?! Этой парой были мы с Гришей.

Спроси нас тогда, мы бы не смогли ответить. Только по истечении двадцати лет, можно было сказать, да мы сделали ошибку, надо было выехать много раньше. Что сделано, то сделано. Огромный жизненный пласт в двадцать лет прошёл. Сколько событий, сколько потерь. А что было до этого? Прошло, примерно, две-трети жизни, очень интересной, со своими трудностями, заботами, радостями.

Однажды, мой сынок Стасик, сказал мне:

- Мама, расскажи детям о себе, о твоей жизни в Ленинграде. Детям будет интересно знать о своих бабушке и дедушке. Подумав, я решила рассказать об этом всем своим внукам, да и дети мои мало что знают о нас, о нашей жизни. Когда молодые были, все бегом – дом, работа, склянки, банки, пелёнки, родительские собрания, простуды детей и так далее. Вот сейчас в самый раз.

Глава 2. Краткий экскурс по местам моего рождения и моих предков.

Хочется начать свой рассказ с истории моей семьи. Более глубокие корни я знаю, к сожалению, плохо. Хорошо знала сестра старшая Соня. Она составляла «генеалогическое древо» нашего Бабаевского рода, начиная с прадеда Боби. Одно хорошо знаю, что все мы «шуроиным» (от слова Шура), то есть Буйнакские. Ведь наш город до революции назывался Темирхан – Шура и был столицей Дагестана. В 1923 году в Темирхан-Шуру приезжал И.В.Сталин, для объявления автономии Дагестана. Это событие было торжественно отмечено в нашем театре, который сохранился и по сей день. Об этом театре хочется сказать особо. Старинное здание в классическом стиле, с прекрасными цветными витражами, полы украшены цветным паркетом в фойе, с огромным зрительным залом. Подстать Петербургским дворцам в миниатюре. И не удивительно, ведь в нашем городе жил генерал-губернатор. Этот дом и сейчас сохранился. Одно время там размещалось аварское педагогическое училище, но название в народе сохранилось «Дом губернатора». После революции город переименовали в честь героя революции Уллубия Буйнакского. В тридцатых годах столицу перевели в Порт-Петровск, который также был переименован в честь героя революции Махача Дахадаева. Город стал называться – Махачкала (кала – крепость).

Наш город Буйнакск считался военным городком, так как в нём «стояли» три воинские части.

Кроме этого, в городе были пять школ, торговый, финансовый, медицинский, механический техникум, два больших парка, три кинотеатра: «Ударник», «Пионер» и клуб «БКЗ» (клуб консервенного завода).

Кроме консервенного завода, был кожевенный завод, две трикотажные фабрики и другие. В общем, это был зелёный, красивый, южный городок.

Ну вот, начала с истории своей семьи, а рассказала о своём городе. Ведь это тоже неразрывно связано с историей моего рода.

Все наши Бабаевские родились в этом городе. У моего папы было четверо братьев и одна сестра. Это потом, став взрослыми, они разъехались в разные города, кто в Пятигорск, кто в Махачкалу, кто в Хасавюрт и др. В Буйнакске остались мой папа, его сестра Либо и брат Агав.

Женившись, папа купил огромный дом, бывшая гостиница. Дом занимал целый квартал. Правда, это было не сразу. До этого они жили в отцовском доме. Дом был настолько большой, что когда вырастали дети, женились, выходили замуж, он, то есть дом, продавался дважды частями. Первую часть – до войны Абдурашиду, вторую – после войны – Аманат и Сакинат Батыргишиевым. После продажи оставалось ещё восемь комнат. Две из которых составляли летнюю кухню и столовую. Там стояла большая печка – типа русской печи «куруг». В этой печке мама пекла чуреки, мацу.

Мои родители.

Сестра Соня и Таня.

Моя Мама с дочками и внучками.

Мой брат Борис(слева) с товарищем. 1942год.

Сестра Соня.

Глава 3. Моя родословная и мои детские годы.

От первого брака у папы родилось пятеро детей: Коля, Борис, Эвниль и две дочки Зоновит и Мария. Жена его простудилась, серьёзно заболела и через некоторое время умерла. Дети ещё были маленькие. Через некоторое время папа женился на нашей маме. Для этого ему пришлось поехать в город Ставрополь, куда бежала мамина семья из Хасавюрта, спасаясь от погромов чеченцам. Я спросила как-то маму: «Как ты согласилась идти на пятерых детей?», на что мама ответила: «Было тревожное время после революции. Говорили, что всё будет общее, не будет частной собственности, даже жёны будут общими. Я испугалась этих слухов и согласилась». Мы шутили над мамой: «Не выдумывай. Просто наш папа был красивый, тебе он понравился и ты согласилась». А ведь мама, в какой-то степени, была права. Это были первые годы после революции 1922-23 годы. Знаменитые лозунги об общей коллективизации, давали о себе знать, маму можно было понять. Прежде чем перейти к описанию жизни моей мамы в Буйнакске, скажу несколько слов о её родителях. Отец мамы мой дедушка Рафоиль, был купцом первой гильдии. Ведь тогда не всем евреям разрешалось выезжать из своих мест, только

купцам первой гильдии. Я помню, как мама рассказывала, что её отец ездил в Макарья за товаром. Ведь у них был большой магазин в Хасавюрте.

Будучи в Горьком, теперешнем Нижнем Новгороде, на производственной практике я увидела этот знаменитый Макарьевский рынок, который в своё время, снабжал многих купцов, покупающих оптом товары. И ещё. Мама рассказывала, что её дед, мой прадед, будучи уже старым, решил поехать в Иерусалим, это было его заветным желанием. Как у всех евреев: «В следующем году в Иерусалиме. Он собрал немного своих вещей, небольшой мешочек с эршефи (золотые монеты). Размерах этот мешочка мама не рассказывала. Каким образом он добрался до Иерусалима, ничего не известно. Знаю только, из маминых рассказов, что он купил место себе для захоронения, а остальные золотые монеты пожертвовал для синагоги. Так и остался там жить. Никаких других подробностей о его жизни в Израиле до нас не дошло. Похоронен мой прадед здесь в Израиле в Иерусалиме.

Светлая память ему.

И вот мама в Буйнакске. Конечно, ей было не легко. Мама родила четырёх девочек. Были близнецы мальчики, но по некоторым печальным обстоятельствам, о которых не хочется писать, они родились мёртвыми. Девять душ детей и всё это на маминых плечах. Только такая женщина, как моя мама, могла справиться с этим. Материально мы жили не плохо. У папы была своя мастерская в артели «Швейпром».

В его подчинении были два мужских мастера и четыре женских, их раньше называли модистками. Папа и дома работал. У нас были две швейные машинки «Зингер». Одна для шитья мужских пальто, а другая для женских платьев, на которых шила мама, а потом и мы. Шли годы, дети подрастали. Старшие дочки Зоновит и Мария вышли замуж.

Настал 1941 год. грянула война. Три брата ушли на фронт. Младшего брата Эвниля (Алексея) я совсем не помню, ведь мне не было и годика, когда он ушёл на фронт. Два старших брата Николай и Борис вернулись с фронта, а младший Эвниль (Алексей) погиб, сгорел в танке. Светлая память ему.

Николай до войны учился в Москве в политехническом институте, откуда его забрали на фронт. Борис учился в Новочеркасском политехническом институте. По окончании института, его, в числе ещё девяти выпускников отличников, послали на учёбу в Москву в военно-артилерийскую академию, а оттуда – на фронт. Хорошо помню возвращение Бориса с войны, а именно встречу на вокзале. Он взял меня на руки и всю дорогу до дома играла его медалями.

С нами шла моя племянница Мила, чтобы её не обидеть, Борух попросил, чтобы и её кто-нибудь тоже взял на руки.

Николай с фронта уехал в Ташкент,
где его ждала его жена Люба с дочкой Лорой. В Ташкенте жила семья её матери. Оба брата вернулись в звании подполковников. Через некоторое время Борук уехал в Махачкалу и там женился.

После войны Николай продолжал работать по военной части, а Борис, на сколько я помню по его рассказам, строил ракетные установки, а потом был директором лако-красочного завода. Ведь он уже, будучи женатым, закончил юридический институт.

Так разлетелись из родительского гнезда взрослые дети. Остались с папой и мамой мы: Соня, Рива, Таня и я.

Папа к тому времени заболел. Здоровье сильно подкачала похоронка, полученная на Эвниля. Папу ударил паралич. Он продолжал ходить, но одну ногу он слегка волочил. Перестал работать. Представляете, каково человеку, который с четырнадцати лет работал, остаться без работы. Папа по жизни был очень весёлым человеком. Как говорили его товарищи «масхарачи» - шутник. Даже будучи в таком состоянии, он брал моше-щипцы для печки и, имитируя балалайку, пел песни. Помню, как мы с папой вместе пели в ролях, если можно так выразиться, песенку:

«Эже бири? О Боку.
Чу оурди? Томоку.
Мэрэ миди? Наа
Ту Мэ хурош баа».

Может я что-то не так вспомнила, но я запомнила именно такое звучание. Папа хорошо знал иврит, читал тору. Нам как сказки рассказывал отрывки из неё.

Вспоминаю такой момент. Мне было пять лет. Помню нашу столовую, в которой собралось много людей. Все сидели около папы за столом. Я увидела пиявки у папы за ушами, стало так страшно и я заплакала. Кто-то взял меня на руки и стал успокаивать.

В феврале 1953 года, в возрасте 73 лет папа умер. Светлая память ему.

В своём повествовании я забежала немного вперёд, пропустив военные и послевоенные годы.

До нас война не дошла. По истории мы знаем, что немцам не удалось проникнуть в глубь Кавказа. Их остановили на подступах к Северному Кавказу. Знаю, что бомбили Махачкалу и многие семьи, в том числе семья моего мужа, были эвакуированы в глубь Кавказа, в Хасавюрт. До Буйнакска военные действия не дошли, но состояние войн чувствовалось во всём.

Жилось тяжело, голодно. Стояли большие очереди не только за хлебом, но даже за керосином. Продукты распределялись по карточкам.

Шли годы. Соня поступила в медицинский институт, до этого она окончила медицинское училище. Закончить институт ей не удалось. Проучившись два года ей пришлось бросить учёбу и пойти работать медицинской сестрой на консервенный завод, так как из-за болезни, отец перестал работать. Сониной зарплаты нам конечно не хватало, поэтому мы стали сдавать комнаты квартирантам. В основном это были семьи военнослужащих. Мама не запоминала их имён и всем давали клички: «Капишонка» - жена военнослужащего, у неё шёлковый плащ с капюшоном, «Шефтэпойо» - тётя Нина, она ходила как уточка, и другие.

Долго жили у нас тётя Маша и дядя Давид Городецкие. Помню день, когда дядя Давид вернулся с фронта, он хромал. У них был сын Сёма, мой ровесник. Мы вместе играли во дворе. Потом они уехали в Махачкалу. Как сложилась их судьба в дальнейшем, знаю плохо. Одно знаю, что Сёма, в котом мать души не чаяла, умер в 14 лет от болезни. Светлой памяти его.

Молодые семьи военнослужащих, которые жили у нас, а их было три семьи, устраивали в нашей большой столовой танцы под патефон. Мне разрешалось крутить ручку этого патефона. Как теперь бы сказали: «было по кайфу!».

Детский сад. 1947 год.

1950 год.

Глава 3. Хочется подробней остановиться на своём детстве, это с 1944-45 годов.

Удивитесь, что я могла помнить, а помню. Я, единственная из сестёр, ходила в детский садик, который находился на углу улицы Горького и улицы Сталинской. Помню воспитательницу младшей группы Милю Никитишну, которая научила нас песенке: «Ах, ручей, чей ты чей? Я от снега и лучей. Я бегу, я смеюсь, я сейчас с другим сольюсь». Я так часто пела её дома, что меня прозвали «Че – ты чей». Хорошо помню нашу воспитательницу в старшей группе Полину Петровну и её сына Костю, как она называла его Котик.

Я писала выше, что время было не сытое, но честно вам признаюсь, я этого не ощутила. В доме все меня любили, баловали – как самую младшую. То что мне давали кушать дома, мне было достаточно, даже много. И оставляла недоеденное. Всегда говорила маме: «У тебя не вкусно, а у соседей всегда вкусно». У наших соседей было шесть девочек, мы так и называли «Шешь духтер». Иногда мама относила им что-нибудь покушать и просила, чтоб они пригласили и накормили меня. Потом я приходила домой и хвалила, какие вкусные обеды у соседей. Вот такая вреднючая я была.

Соня, которая в основном занималась моим воспитанием, шила мне платья. Помню папа, когда ещё работал, сшил мне шикарное, по тем временам, пальто драповое комбинированное. Модистки, которые работали в его мастерской, дали мне много лоскутиков, а тётя Дуся, главная модистка, по крайней мере я так думала, положила мне в карман много конфет.

Из шёлковых лоскутиков, другая моя сестра Таня, сшила для моей куклы, которую она же мне и смастерила, много платьев. Ни у кого на моей улице не было такой красивой и нарядной куклы.

Моя первая учительница. Вера Григорьевна.

Глава 4. Школьные годы и первый рассвет моей юности.

Незаметно подкрались школьные годы. Меня не хотели записывать в школу, так как мне не исполнилось ещё семи лет. Моя сестра Соня уговорила директора Ивана Назаровича Сороку взять меня, потому, что я знала много стихов. Пришлось это доказывать и я с выражением, громко прочитала стишок «Василёк». Конечно, наш директор не мог устоять против такого «таланта» и принял меня. Так, в 1947 году начались мои школьные годы. Училась я в легендарной школе имени В.И.Ленина – самой лучшей школе города. Только один год, шестой класс, пришлось учиться в новой школе. Её только что построили, и нас по району перевели в новую школу. Соня, видя, что я стала меньше заниматься, а получаю отличные оценки, поторопилась перевести меня обратно в Ленинскую школу, так как мне, как она сказала, предстоит поступать в институт.

Хорошо запомнились последние годы учёбы в старших классах. Собирались то у одной девочки, то у другой. Устраивали танцы под радиолу, а родители угощали нас фруктами, пирожками так далее. Самый лучший вечер, как мне показалось, был у меня дома, в большом зале, где было четыре больших окна. Много пели, танцевали, дурачились. Вот так прошли школьные годы. Настал выпускной вечер. Все выглядели очень нарядно. Наши мальчики все пришли в галстуках, такие важные, но к концу вечера эти галстуки куда-то делись. Наши девочки! О, это надо было видеть. В то время вышел в моду нейлон. Его ещё надо было достать. Какие платья шились к выпускному! Соня сшила мне белое платье нейлоновое, солнце – клёш. Такие платья были только у Леры Кириченко, у Татошки (Тамары) Мамаевой и у меня. Мы втроём вышли на главную улицу города. Сталинскую. Это шествие надо было видеть!

Как прошёл выпускной вечер в подробностях не помню. Одно помню, что танцевали до утра. Потом принесли нам два ящика черешни и ещё что-то вкусное, с которым мы расправились в одно мгновенье и пошли встречать рассвет на Беловецкую горку. Первый рассвет моей юности. «Так и кончаются школьные годы». Есть ещё слова в этой песенке: «Для того, чтоб детством дорожили мы, надо с ним расстаться навсегда». Золотые, но немного грустные слова.

Заканчивая описание школьных лет, не могу не вспомнить наших учителей. Нашего классного руководителя Лейлу Ханжиевну Казанову.

«Наша Ляляха», так мы её называли между собой. К каждому она находила особый подход, никого не оставляла без внимания.

Как-то она попросила Вику Королькову, что сидела со мной за одной партой, чтобы та проверила мои сочинения, прежде чем я их сдам учителю. Потому что я писала большие, очень интересные сочинения. Учительница читала их вслух перед классом, но я делала ошибки, пропускала буквы в конце слова, так как моя мысль опережала написанное, а запятых было больше, чем нужно.

Еще хочу вспомнить наших учителей: Гуляева М.Н. – математика, Веру Владимировну Плонскую – физик, Левченко Зою Митрофановну – химик, Смирнову Раису Алексеевну и конечно мою первую учительницу Веру Григорьевну Абдуеву. Она была ласковой, как мама, но при этом очень строгой. Как-то на собрании она сделала замечание моим родителям: «В сумке вашей Светы половина места занимают учебники, а остальное – кушанье. Она всё равно всё не съедает, а раздаёт». Да, действительно так и

было. Послевоенные годы были не сытые, а в нашем классе было много детей из детского дома, вечно голодные всегда просили: «Дай цек». Ну как их не угостишь.

Выпускной класс. 1957 год.

Одноклассницы.

Глава 5. Поступление в институт.

Вот на горизонте студенческие годы. Прежде чем перейти к описанию студенческих лент, хочется упомянуть о моём двоюродном брате Юре (по нашему Юнкуре) Бабаеве. Ведь именно по его рекомендации мои родители решились отпустить

меня в далёкий Ленинград. В тот период Юнкур заканчивал аспирантуру в Ленинградском финансово-экономическом институте ЛФЭИ. Вот мы с моей сестрой Соней едем в Ленинград. Останавливаемся у друга Юнкура Ягданова. Это были две пожилые женщины, одна мать его жены, другая – сестра матери. Две прекрасные женщины – блокадницы, которые воспитывали свою внучку, ей было три годика. О многих тяжёлых блокадных днях Ленинграда они рассказывали. Как ещё они выжили эту военную блокаду. Приняли они нас хорошо, но через несколько дней меня устроили в общежитие института. Так нам посоветовали, что в случае поступления в институт, легче будет устроиться в общежитие.

Вступительные экзамены я сдала успешно. Соне надо было уезжать, так как у неё начинался свой учебный год в школе. Она преподавала биологию, химию в старших классах. Соня зашла в кабинет приёмной комиссии, узнать как мои дела, но ей сказали, что специально из-за вашей сестры комиссия собираться не будет. Она со слезами уехала, оставив меня на попечении друга Юнкура Нухбека. В случае неудачного исхода, он должен был посадить меня на поезд и отправить домой. Вот пришёл этот долгожданный день.

Были вывешены списки прошедших по конкурсу, но я не смогла их прочитать. От волнения у меня слились все буквы перед глазами и я решила пройти в кабинет приёмной комиссии, где работали помощниками старшекурсники. Я спросила их, назвав свою фамилию. Они посмотрели списки и сказали: «Да, есть такая Бабаева Светлана. Вы прошли по конкурсу и зачислены в институт». Ещё не веря своим глазам и ушам, я тихонько, тихонько стала выходить из кабинета, думая, что вдруг меня окликнут и скажут, что ошиблись. Ну вот я вышла и как побегу, что было сил. Общежитие, в котором мы жили во время вступительных, находилось в самом здании института. Надо было видеть, что там творилось в нашей комнате. Все кричали на радостях, бросались подушками, конечно и я включилась в этот праздник!

На следующий день нас собрали всех по факультетам и сообщили, что мы едем в колхоз. В тот же день я пошла на почту и послала домой телеграмму, что я поступила в институт и еду в колхоз. Соня сохранила эту телеграмму, за что я ей очень благодарна. И не только за это. За всё, что она для меня сделала. Ведь Соня для меня, и не только для меня, для всех сестёр была и мамой, и папой, и старшей сестрой, и братом. Курировала меня с детства до замужества.

Интересно устроена жизнь. Всё, что мы получаем от родителей, мы передаём своим детям, а те, в свою очередь, передают своим детям. Таков закон жизни, природы. Сейчас я наблюдаю за своими сыночками и вижу, как они заботятся, как опекают своих сыновей. Чтобы они были живы, здоровы и счастливы. Так и Соня заботилась обо мне, а я, в свою очередь, всё это передаю своим детям.

Так сложилась её жизнь, что она вышла замуж после всех своих сестёр, выдав их замуж, приготовив всем приданное, даже свадьбы и Ривины, и Танины не прошли без её помощи, не говоря уже о моей. И после свадьбы она продолжала опекать всех нас сестёр.

Было у неё в молодости не мало женихов, но такая, видимо, у неё была судьба, что она вышла замуж неудачно. Морально она жила очень тяжело. Я старалась поддержать её. Понимаю, что этого было не достаточно. Советов моих она не слушалась, как старшая, она привыкла принимать сама решения. По возможности я пыталась чаще уделять ей внимание. Я одна из сестёр была рядом с ней, несмотря на то, что у самой было много забот. Малые дети, банки, склянки, пелёнки, ночные недосыпания, а утром, как ни в чём

не бывало, вперёд на работу. Иногда Соня сама приходила ко мне, мы жили рядом, делилась со мной. Я, чем могла, помогала, где делом, где словом.

Я понимаю, конечно этого было не достаточно. Ведь кто помогает, с того больше спрос.

Соня родила прекрасного сына Эдика, души в нём не чаяла. Хорошо, что она не видела, как тяжело было Эдику без неё. Не мало ошибок он сделал. Как то поздно вечером он прибежал ко мне и пожаловался, что бандиты, по другому их не назовёшь, не хотят выходить из его квартиры. Я, одев пальто, и на босую ногу сапоги, выбежала из дому. Схватив за грудки одного из них, сказала ему, что если ты и твои дружки близко подойдут к Эдику, я тебя и твоих родителей посажу в тюрьму. Это был такой амбал, причём сын высокопоставленных родителей, как я не побоялась! Ведь они могли прибить меня одним пальцем.

После смерти матери Эдик каждый вечер был у нас. Пообедав, они садились с Гришей играть в нарды и только поздно вечером уходил домой, мы жили рядом. Долгими вечерами я с ним беседовала, учила, как себя вести в тех или иных обстоятельствах. Но, видимо, умение приходит с опытом, пока не набьёшь шишки. Трагедию с его квартирой надо описывать отдельно. Это случилось накануне нашего отъезда в Израиль. Уехав в Москву, Эдик, один, без чьей-либо помощи, наладил свои дела, отсудил квартиру, купил другую, отремонтировал её. Сейчас он живёт в Махачкале один. Пока Таня и Боря жили в Нальчике, он часто приезжал к ним в гости, но сейчас и они уехали в Израиль. Никого из родственников в Махачкале не осталось. Мы за него очень беспокоимся. Часто звоним. Ведь он до сих пор не женился. Чтоб он был здорово и счастлив.

Проводы в Ленинград на вступительные экзамены в институт.

Глава 6. Студенческие годы.

А теперь хочется перейти к самому светлому, самому счастливому периоду моей жизни, к моим студенческим годам. В начале каждого учебного года, за исключением последнего выпускного, нас посылали в колхоз Ленинградской области, убирать картошку. Прямо скажем, было не легко, ныла спина с непривычки, но зато вечером, после ужина устраивали вечера танцев, игры, читали стихи, пели песни у костра. Никакой усталости, её как не бывало. Что значит молодость. Учебный год у нас начинался с первого октября. На первом курсе наше общежитие находилось в самом здании института, в левом его крыле. Тут хочется остановиться отдельно на самом здании нашего института. Это круглое трёхэтажное здание, внутри которого находится большой двор со спортивной площадкой, беговой дорожкой. Наши спортивные занятия проходили именно там, если позволяла погода, или в спортивном зале. Здание построено в классическом стиле, на второй этаж и далее поднималась ажурная лестница. Главный административный вход был украшен лепными украшениями, статуями в греческом стиле. До революции в этом здании находился первый в истории России государственный коммерческий банк. Немало художественных фильмов было снято на фоне здания нашего института и на фоне львов-грифов, которые стоят на банковском мостике на канале имени Грибоедова, что стоят напротив института.

Это такие фильмы: «Зимняя вишня», «Белые ночи» по роману Достоевского с участием Олега Стриженова. Мы видели, как снимался этот фильм, всех его артистов и, конечно Олега Стриженова. Много других фильмов, всех не перечислишь.

На первом курсе в нашей комнате жили двадцать человек (сейчас там зал вычислительной техники). Объединялись по углам. В нашем углу я подружилась с Люсей Михайловой и эта дружба длится уже более пятидесяти лет.

Забегая вперёд, скажу, что она гостила у нас в Махачкале с сыном Серёжей, была дважды в Израиле, второй раз с сестрой Валей. Сколько раз я у неё гостила в Ленинграде – нет счёту.

Учёба давалась мне не легко. Много приходилось заниматься, а особенно в сессию. Ничего – справлялась исправно, а иначе нельзя было, могли снять со стипендии. Все девушки нашего курса, а у нас в основном были девушки и по одному парню в каждой группе, любили посещать практические занятие по политэкономии. Только не подумайте, что они любили этот предмет. Нет, просто практические занятия вёл очень интересный молодой преподаватель Самусевич Г.С. Перед его занятиями девчонки наводили марафет, декольтировались как могли. Он бедный не знал куда глаза девать и, объясняя, обращался в основном к нам – Тамаре Степанянс и ко мне. Нас на первом курсе называли «детским садом». Интересно вёл занятии по высшей математике профессор … Человек с большим юмором. В своих лекциях он делал отступления. Мог рассказать какую-нибудь интересную историю из жизни знаменитых учёных. На его лекциях аудитория была заполнена до отказа.

В сессию мы ходили заниматься в публичную библиотеку. Старались выходить рано, чтобы занять хорошие места, уходили поздно. В общежитии заниматься было невозможно. Ладно, хватит о делах, поговорим о том, как мы проводили свой досуг. В студенческой жизни это самый интересный отрезок времени.

Прежде, чем перейти к этому разделу моей студенческой жизни, хочу сказать, что с первого курса, по протекции моего брата Юнкура, не без его помощи, меня перевели на другой факультет, более престижный, на финансово-экономический, а училась на учетно-статистическом факультете.

Общежитие этого факультета находилось далеко от института у станции метро «Чернышевского», но я осталась жить со своими девочками, но уже не в здании института, а во дворе на второй лестнице (здесь подъезды называют – лестницами). Мой брат Юнкур в этом году (в году, когда я закончила первый курс) закончил аспирантуру, защитился, получил звание кандидата экономических наук. В институте с большим уважением отзывались о нём. Опуская всё заслуги, которые он получил в дальнейшее своей педагогической деятельности, сперва в сельхоз института, потом в университете, скажу, что он сейчас работает в Москве, доктор экономических наук, профессор. Ему присвоено звание академика. Дай Бог ему здоровья.

Теперь немного о нашем общежитии. В нашей комнате, уже на втором курсе, было шесть человек. Это моя Люся Михайлова (теперь Королёва), Женя Краснова, Анечка Новоковская (Антонова) староста комнаты, Оля Вещикова, Нина Власова, Алла Гладышева. Жили мы дружно, было всякое, но в основном без конфликтов. В нашей комнате существовала коммуна. Мы со стипендии собирали с каждого по 5 рублей (старыми деньгами) на один день, конечно сразу за месяц. Кассиром у нас была Женя Краснова. Она каждый день выдавала дежурному «суточные», на которые он нам готовил завтрак, обед и ужин. Причём каждый дежурный старался приготовить что-нибудь особенное, вкусненькое. Коммуна нам давала возможность сэкономить деньги со стипендии на концерты, театры, кафе и так далее.

К нам в общежитие приходили женщины – театральные агенты, у которых мы покупали билеты без денег, записывали только фамилию, номер группы. Мы набирали кучу билетов, ведь не надо было платить сразу, а со стипендии. Психологически тонко сработано. Двадцать первого числа каждого месяца мы расплачивались. Стипендия таяла на глазах, портя нам настроение только на минуту и мы опять брали билеты. Ведь ни с чем не сравнить то удовольствие, которое мы получали от посещения театров, таких как театр оперы и балета имени С.М.Кирова, теперь это Мариинский, малый оперный театр, театр музыкальной комедии, Александрийский, драматический театр и другие, всех не перечислишь.

Приятно было слышать от моих однокурсниц при встрече в 1981 году на двадцатилетие выпуска, что благодаря Свете мы посетили много театральных спектаклей и концертов. У меня ещё был абонемент на цикл лекций – концертов классической музыки на год. Это были воистину мои музыкальные университеты. На этих абонементных концертах сначала выступал лектор. Он рассказывал о том или ином музыкальном произведении, а после этого выступали солисты, скрипачи в сопровождении симфонического оркестра или пианиста.

Очень хорошо запомнился приезд Вана Клиберна – лауреата первого конкурса имени П.И.Чайковского. В Ленинграде он дал свой концерт в Большом зале филармонии. Билетов, конечно, мы не достали. Пришлось стоять у главного выхода Большого зала филармонии. Было лето, окна филармонии были открыты. После концерта он вышел на балкон и, увидев огромное количество людей, пришедшие его приветствовать, растрогался, закрыл лицо руками. Успокоившись, он поднял руки и приветствовал всех.

Кумиром молодёжи пятидесятых, шестидесятых годов был Михаил Казаков. Я не была исключением. Узнав, что в Ленинград приезжает театр «Современник» из Москвы и что в одном из спектаклей играет мой любимый артист, я агитирую девчонок из нашей комнаты пойти на этот спектакль.

Роль Казакова в этом спектакле была не значительной. Он был так загримирован, что мы его не узнали бы, если бы в программке не было б написано, что данную роль играет М.Казаков.

Но наши потери были восполнены другим, не менее известным, артистом, Игорем Дмитриевым. После окончания спектакля, спускаясь по лестнице с яруса, мы увидели И.Дмитриева. Мы решили догнать его и конечно на него как будто бы нечаянно натолкнулись. Он , мило улыбаясь, сказал: «Проходите, девушки, проходите». Вот казалось бы, мелочь, а приятно.

Можно было, конечно, перечислить какие оперные и балетные спектакли я просмотрела и прослушала, но лучше сказать, что за все годы учёбы в институте я просмотрела почти весь репертуар «Мариинки», малого оперного театра, музыкальной комедии, много концертов в филармонии и так далее.

У меня долгое время хранилась большая папка театральных программок, но к сожалению, они потерялись в Израиле при переезде и Хайфы в Петах-тикву. Так случилось, что в одной из передач радио «Река» я услышала, что к одним в семью, при их переезде на другую квартиру, попал в чужой ящик. В этом ящике кроме вещей оказалась большая папка с театральными программами. Они дали номер телефона для обращения. Я и думать не могла, что речь идёт о моей папке. Даже пожалела и подумала, вот ещё кто-то, как и я, собирал программки. Прошло несколько месяцев после этой передачи. Когда я захотела кому-то показать программки и прочитать содержание одной оперы, я обнаружила, что ни вещей, ни папки с программами дома нет.

Видимо, при выгрузке вещей, при переезде из Хайфи, один ящик остался незамеченным в машине, а потом когда перевозили вещи другой семьи, этот ящик выгрузили им. Телефон я не запомнила. Можно бы конечно через радио попытаться разыскать, но нам было не до этого.

Вот такая ирония судьбы.

Но не только театрами, концертами была богата наша студенческая жизнь.

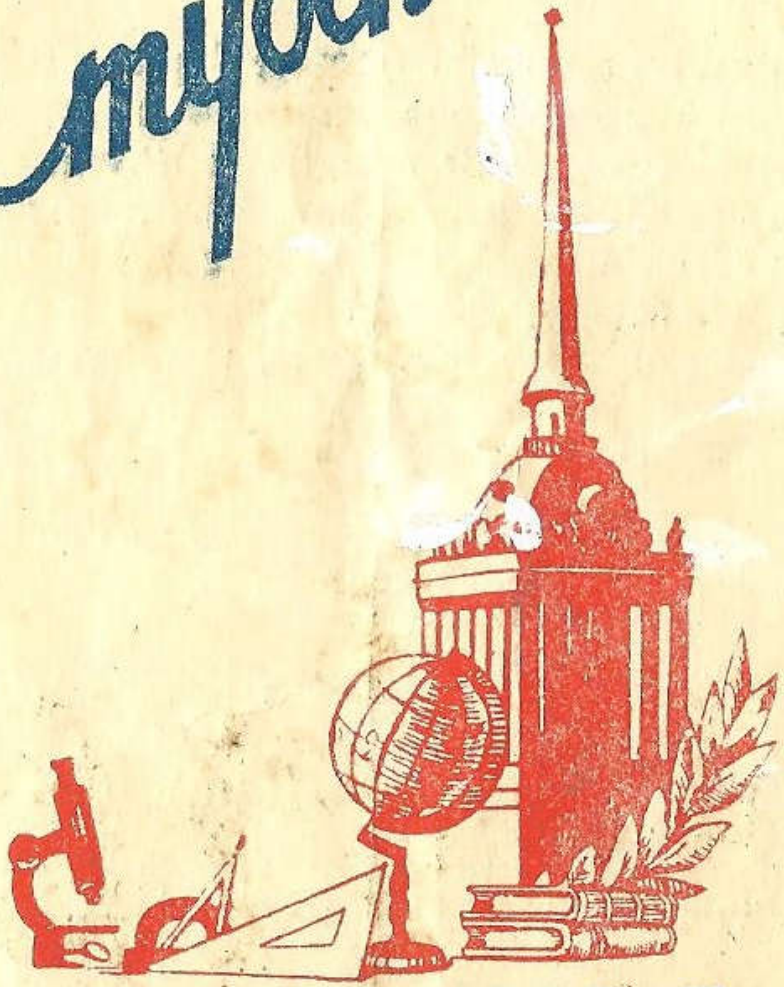

Первый курс. Моя комната в общежитии.

Поездка в Кранштат.

Студенческая

ПЯТНИЦА

ВЫПУСК 135-й

Горький. Производственная практика.

Глава 7. «Студенческие годы и лыжные походы, и шумный молодёжный карнавал».

Студенческие вечера, лыжные походы, походы на байдарках по озёрному краю Карелии, туристические походы с песнями у костра, студенческие фестивали песен. Вот об этом мой следующий рассказ.

Начну с жизни в нашем студенческом общежитии. Само общежитие находилось, как я уже писала об этом, во дворе нашего института. Наша комната находилась на пятом этаже. Надо было видеть, как мы легко взбегали на этот пятый этаж. Сейчас мне тяжело подняться к себе на второй этаж. Иногда прошу внуков, чтоб принесли что-то сверху, или отнести наверх. Ещё, для дальнейшего повествования, надо описать нашу лестницу. Она, винтовая и, видимо, когда-то там был лифт.

Когда в этом подъезде разместили общежитие, решили, что на студентов никаких лифтов не напасёшься, пусть они побегают. Мы и бегали. От лифта остался большой проём, круг диаметром примерно 4 метра, вокруг которого и вилась эта лестница. В субботу вечером, когда на одном из этажей, чаще всего на третьем, звучала танцевальная мелодия, все выходили на лестницу. Было видно всех, от первого до пятого этажа. Обменявшись последними студенческими новостями, мы спускались на третий этаж, где звучала радиолам начинались танцы.

Кстати сказать, моя Люся Михайлова со своим будущим мужем познакомилась именно на этих танцах и стала на последнем курсе Королёвой.

Самое интересное начиналось потом. Кто-то приносил гитару, чаще всего это были ребята не из нашего института. Ведь в нашем институте 95% всех студентов были девочки. Мы садились на ступеньки лестницы и под аккомпанемент гитары пели студенческие песни, им не было конца. Теперь их называют бардовскими песнями. Пели

допоздна, пока нас не разгонял дежурный по общежитию, но и потом мы не шли спать. Ходили друг к другу в гости из комнаты в комнату, пугали соседей, намазывали лицо зубной пастой, переодевались. В общем, дурачились каждый как мог. Ведь молодёжь нашего поколения была совсем другая, нежели сейчас. Другие приоритеты. Нравственный уровень был много выше. В самом здании института тоже были вечера, приглашали артистов театров и кино.

Запомнились встречи с артистами Сергеем Филипповым, Вадимом Медведевым, Эдитой Пьехой с ансамблем «Дружба». Эдита в то время сама была студенткой.

Ещё была одна традиция устраивать межинститутские «студенческие пятницы». Запомнилась одна из них. Сидим мы на концерте этой студенческой пятницы и вдруг слышим: «Ленин идёт! Ленин идёт!» Мы понимаем умом, что этого не может быть, но не можем не верить своим глазам. Действительно, в зале между рядами к сцене проходит живой Ленин. Мы все, в каком-то порыве встали, стали хлопать. Надо было знать то время, наше воспитание сознание. Да я и сейчас не совсем согласна с теперешней трактовкой того времени. Историю надо уважать. Сейчас стало модно всё прошлое охаивать, чем больше, тем лучше, - «высший пилотаж». Пройдя на сцену, В.И.Ленин (артист театр драмы имени А.С.Пушкина – Владимир Теренков) начал свою речь знаменитыми словами: «Революция, которую мы так долго ждали, свершилась!» Грянула такая овация, мы долго хлопали. Он поднял руку, все успокоились и он продолжил свою речь. Впечатление незабываемое!

Эта студенческая пятница состоялась 14 ноября 1958 года, а через два дня мне исполнилось 18 лет. После концерта были танцы, песни, игры. Добрым словом хочется вспомнить нашего преподавателя со спортивной кафедры Буданова А.Н. Сколько по озёрному краю мы прошли с ним на байдарках, на лыжах и так, пешим ходом. Доезжали на электричке до леса или до определенного места и дальше вперёд пешком, с огромными рюкзаками. О лыжах стоит рассказать отдельно.

Первый раз в жизни я встала на лыжах, только учась в институте. Ходить на лыжах мы учились во дворе института во время занятий по физкультуре. Иногда выезжали в ЦПКО (центральный парк культуры и отдыха). Настал день зачёта по лыжам, не сдаш – снимут со стипендии.

Моя группа вышла на старт, и мы пошли. Пошли – громко сказано. Все рванули вперёд. Почти все девочки с севера или с центральной России. Они привыкли к лыжам. Мне же было не до рывка. Дело в том, что есть такие правила, что когда тебя обгоняют, кричат «Лыжню!», и ты должен уступить или идти быстрее. Быстрее не получалось и мне всё время приходилось всем уступать. В конце концов я осталась одна. В этом лесу. Зачёт мы сдавали в ЦПКО, он как лес. Я не на шутку испугалась. Хотела снять лыжи и идти пешком, но тут же провалилась по колено в снег. Без лыж было не пройти. Вот вижу впереди маячит финиш. Сзади идёт уже другая группа. Я ускорила шаг и с криком: «Ура, я первая!» добежала до финиша. Когда я назвала свою фамилию, мне сказали: «Милая моя, твоя группа пришла к финишу час назад и уже уехала домой». Но ничего страшного, за то получила зачёт!

Летом после окончания второго курса мне посчастливилось отдохнуть в спортивном лагере нашего института. Попасть в этот спортивный лагерь не легко, но, так как в прошлом году всех, кто был записан в спортивный лагерь, отправили на целину, то в

этом году попасть в лагерь охотников было поменьше. Вот так я оказалась на отдыхе в лагере. Студентов было не много, человек – сорок.

В спортивном лагере проходили соревнования по различным видам спорта, но в основном мы просто отдыхали, загорали, катались на лодках, купались в озере. Особенно запомнился поход на байдарках по озёрам Карелии. Красота неописуемая. Озера как синие глаза с ресницами из сосен, а какие лилии цвел на этих озёрах. Это надо видеть! Домой на каникулы я приехала загоревшая, возмужавшая. Меня трудно было узнать. Сколько песен было спето у костра. Ещё хочется вспомнить моё участие в институтском песенном квартете. Руководителем у нас был студент консерватории. Здорово получалось, когда мы пели в один голос. Нас приглашали петь в другие институты. Вот однажды мы стоим на сцене высшего военно-морского училища имени Ф.Э.Дзержинского. пять тоненьких девушек (тогда уже было пять) объявляют: «Песня французских солдат». Такой хохот был в зале. Правда после исполнения песни нам здорово аплодировали.

На последнем курсе у нас была производственная практика в городе Горьком, теперь это Нижний Новгород. Расселил нас в гостинице «Антей». Практику проходили в городском финансовом отделе Канавенского района. Горький очень красивый город, расположен на берегу Волги. Часто катались на теплоходах. Были на экскурсии по нижегородскому кремлю. Недалеко от Горького, в небольшой деревушке, стоит церковь, которую художник Соврасов изобразил в своей картине «Грачи прилетели».

Мы зашли в эту церковь, там шла служба, потом мы посмотрели обряд венчания. Было очень интересно, ведь до этого мы подобное видели только в кино. Пока мы были на практике, в Горький приехал на гастроли оркестр под управлением Утёсова. Всей группой, а нас было семь человек, мы пошли на концерт, и были очень довольны.

Самое светлое воспоминание за период прохождения практики, это было известие по радио, что человек в космосе. Наш Юрий Гагарин. Помню, мы вышли из гостиницы, на улице как обычно, стояла женщина, которая продавала мороженое. Я подумала, а она ведь не знает, что человек в космосе, так как она не могла слышать сообщение радио. Мы подошли к ней и сказали об этом. Это сейчас такое событие кажется обычным, а тогда?! Все побежали на спуск к Волге, поздравляли друг друга совсем незнакомые люди, пели песни. Было здорово!

В этот день на практику мы пришли поле обеда, но нас отпустили, и мы не стали возражать. Обедали мы, чаще всего, в нашей гостинице «Антей». Приходили пораньше, когда были ещё дневные расценки. Сидели долго, ели медленно, дожидались, когда начнут играть музыканты. Это был настоящий эстрадный концерт. Вспоминая эти обеды и концерты, перед глазами встаёт сцена из кинофильма «Дайте жалобную книгу», но тогда это было для нас верх блаженства.

Многое ещё можно вспоминать, но и многое стёрлось из памяти. Ведь прошло после окончания института более пятидесяти лет.

Не сказать ничего про ленинградские белые ночи, это значит ничего не сказать. А если ещё учесть, что тебе восемнадцать лет!!!

Часто в белые ночи, всей комнатой шли на Неву. Там на гранитной набережной собиралось много молодёжи и не только молодёжи. Пели песни, катались на теплоходах, танцевали. Каждый год весной устраивались праздники песен. Эти встречи проходили на Дворцовой площади перед зимним дворцом, а потом празднество переходило на набережную.

И ещё одно воспоминание. Перед каждым ноябрьским праздником устраивались генеральные репетиции военного парада Ленинградского военного округа. Один из них нам удалось посмотреть, ведь они проходили поздно ночью. Мы дети военных и послевоенных лет очень любили смотреть эти парады. У нас в Буйнакске каждый год на майские и ноябрьские праздники мы ходили смотреть эти военные парады. Ведь у нас в городе, как я уже писала, несколько военных гарнизонов (мы говорили военные части).

Вот сейчас пишу, а у самой на душе грустно. Ведь целая жизнь позади. Впереди, будем надеяться, хоть небольшая, но не менее интересное время. Это видеть радости детей наших, внуков. Аминь!

Слава Богу, жизнь прожита не напрасно. Вот ещё воспоминание всплыло из моей памяти. Они возвращают меня к тому времени студенческой жизни, когда мы студенты подрабатывали, пытаясь залатать наши финансовые дыры. У меня особых проблем не было, мне присылали из дому деньги, посылки. Другим присылали через знакомых картошку, соленые огурцы, сало. Самые вкусные посылки были у меня. Запомнилось девочкам только гурбеч. Они называли это сладкой колёсной мазью. Намазывали на хлеб за милую душу. Из солидарности с другими, да и деньги никогда не были лишними, я со своей подружкой по факультету Ритой Стороженко (основные подружки это были по комнате) устроились в одной из аптек недалеко от института. В подсобном помещении мы мыли посуду, колбы, пробирки так далее. Однажды, выполнив всю работу, мы устроили концерт студенческой песни. Вошли в такой азарт, что не заметили, как вокруг стало тихо. Даже в зале посетителей люди останавливались и слушали. Нас никто не остановил, но сделали предупреждение, чтоб выбирали поскромней репертуар. Мы долго не продержались в этой аптеке, началась сессия, времени свободного было очень мало.

Невозможно не сказать ещё об одном моменте. Наша комната на последнем курсе вела дневник в виде тетради, которая висела на ленточке на дверях. Каждый писал, что хотел. Свои четверостишья или какой-нибудь шутливый совет – как сэкономить стипендию и остаться сытым, или: «Внимание! Света пошла за посылкой из дома». Об этом уже знал весь наш этаж. Было очень много интересных записей. Перед окончанием института её кто-то спёр, меня опередили.

Заканчивая главу о студенческой жизни, память начинает оживлять ещё и ещё некоторые страницы этой золотой поры, этой самой счастливой поры моей жизни. Например, как в спортивном лагере, стоя на кровати и накинув простынь, как греческую тунику, я исполнила арию Мефистофеля из оперы Гуно «Фауст».

- «На земле весь род людской…», или арию мельника из оперы Доргомышского «Русалочка» - «… - Какой я мельник, говорят тебе, я ворон…». У меня хорошо получались басовые партии. Без ложной скромности скажу, успех был оглушительный, в прямом и в переносном смысле этого слова. Если ещё учесть, что эта «Гастроль» проходила поздней ночью. Мы засыпали под утро.

Заканчивая описание школьных и студенческих лет, нельзя не вспомнить, как я проводила свои каникулы. Я ездила к Тане в Каспийск, в Орджоникидзе, ездила к сестре Риве в город Изберг. Там я познакомилась с соседями Ривы, семьёй Шевцовых. У них было три девочки мои ровесницы, кто-то старше, кто-то младше. Играли допоздна, я, не чувствуя своих ног, ложилась спать. Ведь это был не город, а посёлок городского типа. Какой огород обрабатывала тётя Овгоиль, одна коза что стоила и как Овгоиль квасила козье молоко. Вкус, как говорил А.Райкин, специфический.

Вот и всё. Попрошу уважаемую «память» остановиться перед следующим «броском», так как начались Государственные выпускные экзамены. Потом выпускной вечер, последняя фотография на память нашей комнаты и занавес медленно закрывается. Детство, юность кончились. Начинается новая глава.

Выпускной вечер в институте. 1961 год.

Моя комната. 1961 год.

Глава 8. Моя трудовая деятельность.

После празднования моего триумфального возвращения из великого города Ленинграда, немного отдохнув, с 1 сентября 1961 году, официально с 1 августа, я начала свою трудовую деятельность в финансовом техникуме. В техникум я устроилась по протекции моего брата Юнкура. Такое престижное место, как преподаватель специальных дисциплин, без протекции получить невозможно. К сожалению, у меня не было практического опыта, а что делает человек, когда мало знает, - «он начинает учить других». Вот и я вместе со своими студентами начала заново изучать эту науку. Правда, для этого мне пришлось каждый день ходить как на работу, в бухгалтерию нашей трикотажной фабрики «Красная звезда». Внимательно изучать их работу, заполнять документы, снимать копии документов – ведомостей, счетов, отчётности. На следующий день на занятиях я использовала эти документы для объяснения, предварительно их размножив. С утра до обеда я работала в техникуме, а после обеда – на фабрике. На второй год работы, кроме бухучета, мне доверили вести сберегательное дело. Мне пришлось посещать бухгалтерию сберкассы.

Получалось, что весь день я была на работе, а ведь у меня ещё было и классное руководство, знаменитые педсоветы, которые мы в шутку называли «педагогическими скандалами», занимали у меня оставшееся вечернее время. А ведь ещё надо было готовиться к урокам, составлять конспект, планы уроков, подготавливать задачи для закрепления материала и многое что ещё. Педагогические советы, о которых я писала выше, чаще всего состоялись вечером, после всех занятий. Однажды, на одном из таких педагогических советов, преподаватель Ким Замонович, который выходи л по своим делам, сказал: «Там в коридоре сидит мама Светланы Даниловны. У неё в руках свёрток и так вкусно пахнет. Может отпустим её на минутку, пока то, что в свёртке, не остыло?». Действительно, там сидела моя мама, а в свёртке у неё были пирожки с мясом и капустой. Время было позднее и она стала беспокоиться, потому и пришла.

И так было не раз, когда она приносила мне кушать на работу. На этот раз пришлось сделать маленький перерыв и все угощались маминими пирожками. Мама знала, что я одна кушать не буду и приносила много чего-нибудь вкусненького. Вот такая у меня была мама. Светлой её памяти.

Опытные преподаватели часто ходили ко мне на уроки, помогая мне овладевать педагогическими навыками. Со мной много возилась Нина Ивановна Замошникова, разбирала каждую часть урока как то – организоционная часть, опрос, обобщение опроса, изложение нового материала, закрепление решением задачи, проводки или дополнительными вопросами. Чтобы заинтересовать студентов, за активное участие я ставила оценки.

В пух и прах разносили мои уроки М.П.Марченко, М.П.Гажамаев. Сколько было слёз, но в отличии от Татенко Греты Михайловны, у меня никогда не было мысли бросить техникум. Как я им всем благодарна за преподанные мне уроки.

Вообще, надо отметить, на моём жизненном пути тогда и сейчас попадались, в большинстве своём, хорошие люди. Я им очень благодарна, правда, были исключения, но о них не стоит не то что говорить, но даже вспоминать.

На следующий год стало немного легче, больше хороших отзывов о моих уроках. Даже ставили в пример: «Вот молодой преподаватель, а как ей удаётся хорошо провести урок».

Мне повезло в том, что первый мой трудовой коллектив это был наш финансовый техникум. Очень квалифицированный, интеллигентный преподавательский состав, выпускники Ростовского, Московского, Ленинградского и Рижского вузов. Преподаватели общественных дисциплин – выпускники Дагестанского университета. В то время экономического факультета в нашем университете не было.

Подружилась я с молодой преподавательницей истории Зухрой Ибрагимовной. Вдова с двумя детьми. Как она пела на кумыкском языке! Мама и Соня любили её слушать. Мы с ней, в первый мой отпуск поехали отдыхать в дом отдыха «Нальчик». В техникуме мы отмечали все праздники. Тон задавали молодые преподаватели, но и другие преподаватели не отставали от нас. Мне запомнился новогодний вечер. Как всегда шикарно был накрыт стол. Мы отмечали новый год у директора М.П.Марченко. Была музыка. После танцев пошли на улицу, катались на санках, кидались снежками.

Все праздники в техникуме проходили очень интересно. Была традиция устраивать розыгрыши, сюрпризы, спеть песню, прочитать стихи, на худой конец какой-нибудь анекдот.

Забегая вперёд, скажу, когда финансовый техникум перевели в Махачкалу, директором стал Гажамаев А.М., так как Марченко М.П. пригласили на работу в Ростов.

Анатолий Михайлович пригласил меня на работу в техникум. Я согласилась, но не сразу собралась. Мне надо было закончить учебный год в группе бухгалтерской школы. Вдруг я слышу, что скоропостижно скончался Гажамаев А.М. Хороший был человек, очень строгий, но справедливый.

Помню однажды утром, перед занятиями он-Гажамаев попросил меня зайти после занятий. Не сказал, почему. Я тряслась все шесть часов. Пересмотрела все свои поурочные планы, за ними классные журналы. Всё привела в порядок. И что вы думаете. Он сказал, что я сегодня вечером дежурю по общежитию, а сам так хитро улыбается. Вот это случай. Светлая память ему.

Глава 9. Махачкала.

Дни шли, складываясь в недели, месяцы и годы. Незаметно подошло время выходить замуж. Сколько можно было перебирать женихов. Приезжали даже из других городов. Как у нас говорили «Ильчио» дежурили у техникума.

Преподаватели шутили: «Светлана Даниловна, опять по вашу душу часовые стоят». Ну ещё бы. Я была в Буйнакске «первым парнем на селе». Как говорили наши бабки: «Эз Ленинград оморэй учёный духтэри». Ладно, шутки в сторону. Опустим некоторые детали знакомства, встречи с Гришей и так, в течении двух лет.

Встречались мы с ним и в Махачкале, когда я останавливалась у своей сестры Ривы. Маме он очень понравился, как сын Александра Матаева. Ведь их семьи в Хасавюрто жили рядом через забор. Мама хорошо знала их семью. К тому же, ко времени нашего знакомства у него была учёная степень кандидата, технических наук. Он закончил нефтяной институт в городе Грозном, аспирантуру в Баку. Гриша преподавал в политехническом институте сопромат и теорию упругости. Пятого марта в 1964 года состоялась наша свадьба. Моя адаптация в семейной жизни проходила с переменным успехом. Я очень трудно привыкала. Мы были как из разных параллельных миров.

Сказывалась не столько разница в возрасте, сколько различие в характерах. Зато в дальнейшей жизни это нас крепко объединило. Да и острые углы пообтесались. Он для своих детей был большим авторитетом. Своим образом жизни, преданностью семье он был примером для подражания. Сейчас, когда дети выросли, я вижу, что они, как и их отец, относятся к своим детям очень внимательно, бережно, заботливы. Гриша был хорошим мужем, отцом, чтобы кто бы о нём не говорил от зависти. Правда давалось ему это не легко…

Гриша(Григорий Александрович Матаев) и я.

Мы на маёвке.

Мои сыновья. Игорь, Стасик и Леня.

Я забежала немного вперёд, это всё ещё впереди.
Вернусь к истокам нашей семейной жизни.

Самыми светлыми счастливыми моментами в нашей жизни было рождение сыновей. Это сейчас узнают заранее, кто родится. Тогда это было неожиданно и такое ни с чем не сравнимое счастье. Я ещё лежала на столе, а мне уже передавали шоколадку от Гриши, это стало традицией. Родила я трёх сыновей и воспитала троих, тут ошибки нет. Только одного Бог дал, а другого взял. Вот и получилось, что вырастила и воспитала я трёх родных сыновей. Чтобы Бог их не считал. Отличные парни выросли – Лёня, Игорь и Стасик. Опять, забегая вперёд, скажу, что у сыновей тоже родились только сыновья. Такие внуки у меня сладкие, красивые и, главное, умные. Да другими не могут быть дети и внуки Гриши. На кого могут быть похожи сыновья? На отца. Чтоб они были здоровы!

Рассказывая о своем житие-бытие в Махачкале, о рождении сыновей, хочется остановиться еще на одном эпизоде моей жизни. Когда ходила беременная Стасиком, я очень боялась повторения трагедии. Ведь предыдущая беременность окончилась неудачно. Мальчик умер, не прожив и получаса. Для меня это было шоком. Поэтому в этот раз я была очень осторожна. Старалась не обращать внимание на плохое, использовать только положительные эмоции. Но говорят (чему быть) как не предостерегайся, чему бывать, того не миновать. Мне дан был знак свыше, чтоб я не беспокоилась, что все будет хорошо! Какой вы думаете это знак? Землетрясение! Такое, какое Дагестан не видел и не слышал более 100 лет (7 баллов при максимальном 9 баллов).

Вы удивитесь, как это землетрясение может быть хорошим знаком?! Дело в том, что накануне землетрясения я легла в больницу на сохранение (последние месяцы беременности). На второй день утром мы получили соответствующие лекарства, позавтракали и все разбрелись кто куда. Я осталась лежать читать книгу. Вдруг я слышу какой-то гул и как будто где-то заработали отбойным молотком. Я подумала, и здесь покоя нет, где-то идут строительные работы. Продолжала спокойно лежать и читать.

Потом через час пришли женщины из палаты сказали, что было землетрясение. Я подумала, как хорошо, что я не испугалась. Ведь мне нельзя было нервничать, у меня живот был в «тонусе», как бы в напряжении, готовый к выкидышу. Нас предупредили, что примерно к девяти часам вечера опять будет толчок – землетрясение. Не знаю, кто и как это определил, но ведь известно, что после первого толчка идет волна толчков, но с пониженной силой. Не знаю, насколько это верно, но я приготовилась. Было прохладно, дождливо. Я запаслась дополнительным одеялом, успокоительное лекарство не выпила, а оставила на вечер. И действительно, ближе к девяти часам опять началось землетрясение, но еще с большей силой. Я спокойно выпила лекарство, накинула одеяло и вышла.

Трудно описать, что творилось в роддоме. Все бегут, кто уже родил, хотят забрать своих детей. Из гаража вывели все машины и там поставили кровати, точнее лежаки для скородящих, у некоторых

Открылось кровотечение, крик, шум. Как говорят в таких случаях: «Содом и Гоморра». Я пыталась вернуться, чтобы взять книгу, это было не моя. Но только ступну на ступеньку, опять звук как пулеметная очередь и трясет. Я решила оставить эту затею. Через час тряска прекратилась. Смотрю, идет Гриша с детьми – Леней и Игорем. Они принесли мне одежду и покушать. Я переоделась, было не до кушанья, и мы пошли домой к бабушке Руско, моей свекрови. Там все сидели на улице, домой боялись заходить. Постепенно все успокоились относительно, так как все могло еще повториться. Действительно, толчки еще долго повторялись, но уже слабее. Посидев немного у бабушки, мы всей семьей пошли к себе домой. Дома я увидела страшное зрелище и представила, что тут творилась во время землетрясения. Книги с полок попадали, посуда падала на пол. Наша бабушка Хютай в панике хватала то одного ребенка, то другого, чтобы вывести их на улицу. Гриша пытался одеть детей и ее успокоить. Будь я дома, я бы обязательно родила преждевременно, еще неизвестно с каким исходом. Бог мне помог.

Я вовремя и удачно родила моего сыночка. Чтобы они все были здоровы! Действительно землетрясение было большой силы. В эпицентре, в одном ауле в горах земля разошлась на полметра. Люди падали и старались держаться за землю. У нас в музее были снимки тех дней. Сейчас не помню, сколько было человеческих жертв, но было очень много.

Было не легко первое время. Склянки, банки пелёнки, ночное недосыпание, а утром вперёд на работу. Это сейчас дают большой, до и после, родовой отпуск. В моё время того не было, месяц до и месяц после родов. Вот дети стали подрастать, ношли в садик Татьяна, сестра Гриши, устроила их в самый богатый портовской садик.

Вообще я ей во многом благодарна. Она была нашим домашним доктором и для детей и для нас. После того, как при родах у меня мальчик умер, мне сделали камфорный укол, но сделали неудачно, занесли инфекцию, начался абсцесс. Некоторые меня успокаивали, ничего страшного, рассосётся. Мне бы сразу обратиться к Татьяне. Когда же абсцесс увеличился, температура подскочила до 40º, я обратилась к ней. Был день выпускного вечера её дочки Стеллы. Татьяна всё бросила, позвонила хирургу и вызывала его (это было воскресенье). В больнице, где она работала, мне сделали операцию. Хирург удивлялся: «Вы же современная, образованная женщина. Как вы могли так запустить. Ещё два-три дня и у вас было бы заражение крови». Вот так Татьяна спасла меня. Кто бы к ней не обращался, она никому не отказывала в помощи. Это врач от Бога! Долгих лет ей жизни и здоровья. Продолжаю повествование.

Дети растут. Лёня пошёл в школу, Игорь и Стасик в детском садике. Стало немного легче. Каждый вечер всей семьёй мы ходили гулять в парк, на море, в кино. Перед выходом в город Гриша готовил полную сумку с продуктами для детей. Выходили мы как великие конспираторы. Первым выходил Гриша с Игорем, через некоторое время Лёня и

Стасик, последней выходила я. Делали мы так, потому, что наши соседи, сидящие на лавочке напротив подъезда всегда говорили, когда мы выходили каждый вечер вместе: «Вот опять Матаевы вышли гулять». Гриша очень боялся сглаза. Хотя всё это несерьёзно. Сперва мы ходили на море, искупавшись, мы принимались за содержимое в сумке, почти всё съедали, а потом шли в летний кино-театр или в приморский парк. В парке Гриша играл в шахматы, а дети внимательно следили за ходом игры. Зимой маршрут менялся. В начале мы заходили к матери Гриши – бабушке Руспо. Там мы немного угощались. У бабушки всегда было в её шкафчике что-нибудь вкусное для внуков, а потом мы шли в кино. Самым любимым кинотеатром был клуб «Рыбников» - кино-театр повторного фильма. Эти выходы в город были в любую погоду.

Очень интересно у нас проходила встреча нового года. Вечером всей семьёй мы шли к бабушке Руспо, туда же приходили все её дети со своими детьми. Лиза, старшая невестка, накрывала на стол. Надо отметить, что она вкусно готовила, была очень хлебосольная. Когда все садились за стол, Семён, старший брат Гриши, поздравлял всех с наступающим новым годом и начиналась трапеза. За полчаса до нового года мы возвращались домой почти бегом. Дома стоял заранее сервированный стол, оставалось только подать горячее. Днём я готовила всё: и обеды, и пироги, и салаты. Дети брали хлопушки, бенгальские огни. Им наливали соки, фанту, а нам коньяк. Гриша не любил шампанское. Под звуки кремлёвских курантов мы поздравляли друг друга, гремели хлопушки, горели бенгальские огни, а потом по традиции «Голубой огонёк».

Была ещё одна традиция встречать пейсах-нисону у бабушки Руспо, она жила с семьёй старшего сына Семёна. Очень хороший был человек, строгий, но справедливый. Он сплачивал всю мишпаху Матаевых около себя. Был опорой для своих братьев, да и не только для братьев. Светлой памяти его.

Вообще все сыновья Руспо были хорошие. Моя мама всегда говорила, чтоб твои сыновья были такими, как сыновья Руспо. Когда все дети и внуки усаживались за столом, Руспо поздравляла всех с праздником, для каждого она находила хорошие пожелания – браха. Она была умной, степенной и очень выдержанной женщиной. Меня она любила, доброжелательно ко мне относилась. Я всегда находила в ней понимание, добрый совет. Светлой памяти её.

Вспоминая свою свекровь Руспо, нельзя не вспомнить её сестру Хютой, которая жила с нами. Характер у неё был, мягко скажем, не спокойный. Детей моих она любила, помогала мне их вынянчить, пока они не пошли в садик.

Хютой умела читать и немало книжек прочитала нашим детям.

А годы идут, вот уже все дети учатся в школе.

Было немало трудностей в их воспитании. Первые классы у Лёни шли очень трудно. Много было всяких ситуаций, которые не просто помогали, но мешали воспитывать, что сказывалось на его состоянии, на учёбе. Я не хочу об этом писать, они не стоят этого, дела давно минувших дней. Главное вышел отличный парень, хороший и преданный сын. Моя мама говорила, что твои труды были не напрасны. Игорёк быстро схватывал науку, быстро всё запоминал, но был очень неусидчивый, зато большой фантазёр. Одно время пытался писать рассказы и не плохо получалось, но потом перешёл на рисование масляными красками. А какой он философ! Когда пошёл Стасик в школу, у меня уже был опыт в воспитании детей. С ним не было никаких проблем, кроме русского языка. Очень его «любила» учительница по русскому языку, но я нашла подход к ней и

всё встало на своё место. Со всеми ребятами приходилось много заниматься дома. Писала с ними диктанты по специальному сборнику диктантов, которую мне дала Лёнина учительница по русскому языку Клара Иосифовна.

Вместе разбирали математические задачи, теоремы, вплоть до девятого класса. В девятом, десятом классах они советовались с отцом. Помогала подбирать материалы для сочинений. Воспитывать мальчиков это особая категория трудностей, но ничего, справилась.

Надо отметить, что я была в более удобном положении, чем другие матери, которые работали с утра до пяти-шести часов вечера с перерывом на обед. Я работала с восьми часов утра до часу дня в одну смену. Это всё благодаря нашему новому заведующему учебной части Данилову Якову Ильичу. Он так удобно составлял расписание уроков, что одни преподаватели работали с утра, другие – после обеда. Это касалось только преподавателей спец.дисциплин. так что в два часа дня я уже была дома, могла и накормить детей, проконтролировать, чтобы вовремя сели за уроки, помочь в чём-нибудь, если надо будет и так далее. У них это уже вошло в привычку и они самостоятельно всё делали, но я была всегда рядом. Правда, некоторые из моих детей считают, что я их слишком опекала, давила на них. Может быть, они в чём-то правы, но время было такое, да и окружение, из-за которого мы сами потом уехали. Даже задержки детей из школы или вечером из института, или откуда-нибудь всегда меня тревожило, а когда они выходили, я спрашивала своих сыновей: «Когда придёте?», ответ был всегда один: «Через два, три часа».

Параллельно с воспитанием детей, устройством домашнего быта, ведь я ещё и работала. Вот и опять понадобилась протекция моего брата Юнкура, который устроил меня преподавателем на курсы подготовки и повышения квалификации бухгалтеров экономистов при УПКЦСУ СССР. В народе это называлось проще – бухгалтерская школа. Это совсем другая система, нежели финансовый техникум. Педагогический состав был немного другой. Я быстро влилась в коллектив, ведь была не молоденьким, неопытным преподавателем, но матёрым я не могла ещё себя назвать. В дальнейшем была председателем местного комитета профсоюза, наставником и так далее.

Самым знаменательным событием для меня были поездки на курсы повышения, на семинаре.

Первый раз я поехала в Москву на семинар, ещё работая в техникуме, на десять дней. В бухгалтерской школе первый раз я поехала на три месяца на курсы подготовки преподавателей сельхоз учёта по новой документации. Тогда у меня ещё не было детей.

Представляете, где проходили эти курсы – в Ленинграде, в здании моего родного института. Можно ли было ещё о чём-то большем мечтать. Главное, конечно, встреча с моими бывшими однокурсниками, с моей Люсей, с моими преподавателями. Как это назвать, волшебство, чудо, везение, но это было и так в дальнейшей жизни. Бог со мной. Я благодарю его за это.

В дальнейшем были ещё поездки на курсы в другие города. Тогда уже дети немного подросли, пошли в школу. Поездки эти были через год, два. В основном в города Москва, Ленинград даже один раз в Нальчик. На этих курсах надо было серьёзно заниматься, так как потом мы сдавали экзамены. Правда, мы находили время и для культурной программы ходили в театры, на концерты и, конечно, по магазинам, это было также частью культурной программы.

Преподавательская работа очень интересная, но у неё, как у всякой медали была обратная сторона, которая не мало крови мне попортила. Моя невестка Аллочка говорит в таких случаях: «стоило оторванной жизни». Не могу не рассказать об одном эпизоде. В школу пришёл представитель гор.кома партии. Он был вызван, якобы по жалобе учеников. Этот представитель гор.кома опрашивал отдельно каждого студента один на один в кабинете директора. По окончании этой процедуры, он вызвал меня в кабинет, пожал мне руку и сказал: «Светлана Даниловна, спасибо вам за хорошую работу. Продолжайте так же работать», - и ушел, не попрощавшись ни с кем из руководства. Я представляю, какой у него с директором и с секретарём парт.организации был перед этим разговор.

Они стояли как…

Каждый год приезжала комиссия из Москвы для проверки учебного процесса и бухгалтерии.

Ходили на уроки, с последующим обсуждением. Директор всегда просил меня, чтобы я первая пригласила их к себе, то есть принимала огонь на себя. К счастью, будучи опытным преподавателем, я могла давать хорошие уроки, не взирая на комиссию. Здесь, как и в финансовом техникуме, мы часто собирались по праздникам. Ведь коллектив в основном был молодой. Это как раз та лицевая сторона медали, о которой я говорила. Хороших всё-таки было больше. Главной заводилой, организатором нашего коллектива была Валентина Ивановна Корнеева. Она быстро составляла меню, давала поручения всем. Кто-то что-то доставал через «товароворaвед». Время было такое, надо было всё «доставать через заднее кирильцо».

Вторую смену отпускали немного раньше. К концу смены стол был накрыт в учительской шикарно, конечно была и музыка-радиола. К концу вечера приходил Гриша с детьми или один, потому, что я младших брала с собой. Преподаватели пытались пригласить его, но он ни разу не зашёл, а ждал во дворе. Со своими студентами я ходила в театр, на концерты. Для некоторых моих «Чумайсаток» это было первое посещение театра, ведь все они были из сельской местности из аулов.

Приятными событиями в нашем доме были, когда приходили или приезжали к нам гости.

Приходили обычно на дни рождения. Гриша, почему-то, не любил шумно отмечать свой день рождения, и мы отмечали его в тесном семейном кругу.

Зато день рождения детей мы отмечали весело, приглашали мальчишек со двора.

На мой день рождения обычно приходили мои коллеги, близкие мне преподаватели, и мы весело проводили время. Одну мою юбилейную дату мне отмечали в школе с размахом. Такое внимание всегда приятно. Приезжали к нам Боря и Таня из Нальчика. Мы возили их на море, на базу отдыха политехнического института. Боря, как всегда активный человек, не мог не проявить свою активность, даже на отдыхе. Он организовал турнир игры по нардам. Вывесил график игр, на котором отмечались результаты каждой пары игроков. Конечно никто не смог побить рекорд Бори в этой игре. Я желаю ему здоровья и всегда быть таким активным.

Хочется рассказать о моей подруге и однокурснице Люси Королёвой, которая приезжала к нам в Махачкалу с сыном Серёжей. Гриша достал для нас путёвку на море на базу отдыха политехнического института, где мы отдыхали со всеми детьми, а потом поехали на базу отдыха «Осиное гнездо», которое находилось в горах, в селении Гуниб.

Люся была в восторге от такого отдыха, а Серёжа до сих пор вспоминает это прекрасное время.

Мы не только принимали гостей, но и сами каждый год ездили куда-нибудь. Ведь у меня было два месяца отпуска.

Первые наши поездки, когда дети ещё были маленькие, мы ездили в Нальчик к Боре и Тане. У них жила наша мама.

Когда дети подросли, мы ездили с ними в Москву, в Ленинград, в Прибалтику, по Волге.

Усыпив бдительность Стасика, мы оставили его у его любимой тёте Тани, а сами поехали по путёвке, которую нам достал Гриша, по Прибалтике, Рига, Даугавпилс, Вильнюс, Таллин. В Риге нашу группу разместили в школе. Лёня в комнате с ребятами взрослыми, а Игорь со мной в женской комнате. Руководитель на следующий день нашёл выход из положения и разместил Игоря в пионерской комнате, всё-таки он уже был не маленький 9-10 лет. Всю ночь он барабанил в пионерский барабан, гудел в горы, заснул очень поздно. Утром мы не могли его разбудить, долго сильно стучались в дверь. Я очень испугалась, не случилось ли что-нибудь, даже предложила взломать дверь, но после очередного стука открывается дверь и выходит заспанная мордочка Игорька, и я успокоилась.

Ездили в Даугавпилс, видели там концентрационный лагерь. В кино видеть и то страшно, а вживую – волосы становились дыбом. Зато в поездку в Ленинград с Таней я взяла только Стасика, а когда он стал постарше, мы с ним поехали на Волге вверх и вниз. Основная цель поездки проведать Игоря. Он служил в армии в городе Урюпинске Волгоградской области.

Нашли в/ч где служил Игорь, попросили его вызвать. Вышел Игорь в военной форме, возмужавший, похудевший, а может стал выше. Он показал нам город, спустились к реке приток Волги.

Не помню сейчас, как называется, кажется Урюпин. Игорёк показал нам город, сделали небольшие покупки, перекусили в гостинице. Пришло время уезжать. Трудно было расставаться, но ему надо возвращаться в военную часть, нам – домой. Нам посоветовали не возвращаться тем же путём, а из Волгограда поехать вверх по Волге, а потом вниз до Астрахани и домой поездом. Так мы и сделали. На теплоходе «Эрнст Тельман» мы со Стасиком поплыли из Волгограда до Куйбышева. Там была «зелёная стоянка» семичасовая стоянка для отдыха. В Куйбышеве (теперь Самара) жила моя однокурсница Анечка Антонова (Новоковская), с которой я не виделась почти двадцать пять лет. Я позвонила ей. Она обрадовалась, встретила нас на машине с двумя полными сумками. Аня в то время работала директором горпищеторга. Дома накрыла нам стол, потом с мужем на машине показали нам город и к вечеру приехали к теплоходу. От них мы поехали вниз по Волге до самой Астрахани. По дороге мы заехали ещё к одной знакомой, с которой я была в Москве на курсах. Впечатлений было много, незабываемые.

Одна из поездок в Ленинград была с Таней и её дочкой Томой. Как обычно ходили по магазинам, по музеям, по театрам. Однажды мы опаздывали в театр оперы и балета имени С.М.Кирова на оперу Лючия де Лиммермур композитора Доницетти. Взбежав по лестнице, я спрашиваю одну женщину, как нам пройти на наше место, и вдруг вижу, что спрашиваю своё отражение в зеркале. Такие мы были замотанные, усталые, пытаясь охватить необъятное в Ленинграде. Но самое интересное было впереди. Начался спектакль. Приятная тишина, спокойная музыка, ноги отдыхают. Через полчаса мы были

«готовы». Таня сидела с полузакрытыми глазами, мне с трудом удавалось держать один глаз открытым, второй глаз был закрыт наглухо. Только Томочка бодрствовала. Она вся была во внимании, с одухотворенным лицом с широко открытыми глазами. Хорошо выглядела на нашем полусонном фоне.

Чуть не забыла рассказать о нашей первой поездке с Гришей в Алушту. Очень интересный был переезд на пароме. Одно точно помню, что из вагона я не выходила. Отдохнув на море, мы поехали в Ленинград. Остановились на той самой второй лестнице, где было наше общежитие. Устроились без проблем, сохранились ещё мои знакомые. Еле уговорила Гришу пойти в оперный театр. Сейчас не помню точно, какую оперу мы слушали, но точно помню, что Гриша хорошо «отдохнул». Конечно, целый день на ногах, по музеям, магазинам, так гуляли в парках, конечно сильно уставали, но эта усталость была приятной.

Один раз Грише удалось попасть в публичную библиотеку. Эта не та публичка, где мы готовились к экзаменам, а библиотека для аспирантов, профессуры и так далее.

И ещё дважды с детьми нам удалось попасть в кукольный театр Образцова в Москве. Да, именно попасть, потому что в те годы люди чаще ходили в театр, записывались в очередь за билетами за месяц. Мы и не мечтали попасть, но решили попытать счастье. В кассе билетов не было. Я подошла к администратору со служебного входа и спросила: «Могу ли видеть Екатерину Бабаеву, я её тётя, сестра её отца». В первый раз мне ответили, что она давала спектакль днём, а сейчас её нет. Администратор позвонил в кассу, мы пошли и выкупили билеты. А второй раз, когда мы были с Игорьком и Стасиком, администратор дал нам записку к первой кассе, по которой нам дали билеты и не взяли денег.

К сожалению, на следующий день мы уезжали, не смогли отблагодарить мою племянницу. Даже позвонить мы не могли Кате, так как не знали номер её телефона. Сейчас я перезваниваюсь и переписываюсь со своими племянницами Лидой и Катей. Лора по-прежнему живёт в Ташкенте. К сожалению, Лида, средняя дочь Коли, умерла в марте этого года (2013 года). У неё остались сын, невестка и внук. Катенька с сыном и невесткой и сейчас живут в Москве. Она заслуженная артистка России, сейчас сама режиссёр – поставщик. Я приглашала их к нам в Израиль, всегда рада их видеть.

Описывая мою жизнь в Махачкале и не вспомнить мою соседку Галю, значит пропустить целый пласт моей жизни, одну её значительную сторону. Галя (Патимат) Кардашова, моя соседка. Сколько хороших эпитетов хочется сказать об этой женщине. Она для меня не просто соседкой, но и моим другом, моей матерью, моей сестрой. Эта женщина всегда была рядом и в радости и в горе. Всегда поддерживала меня, переживала, когда мне было плохо и искренне радовалась, когда мне было хорошо. Мне её Бог послал. Всегда было с кем поделиться, посоветоваться. Галя всегда находила для меня нужное слово, совет. В ней не было ни капли зависти, а наоборот, она меня ругала, если я не так оделась хорошо и вышла на улицу или ходила в старом допотопном халате перед Гришей. В таких случаях она говорила: «Ты как ходишь перед моим соседом Иди сейчас же переоденься и приведи себя в порядок». Иногда поздно вечером, закончив все свои работы, проверив портфели своих ребят на завтра и уложив их спать, я заходила к ней. Специально из-за меня она допоздна не закрывала свою дверь. Галя была очень хлебосольной. Днём, когда приходил её брат, она приглашала меня и другую соседку Ажай на аварский хинкал. Собиралось нас за столом много женщин и её дочки. Включали

музыку и пошли танцевать. Галя хорошо пела лакские песни. У неё три дочери, она одна воспитывала их. Девочки очень хорошие и порядочные. Она была строгой мамой.

Галя была скромной, выдержанной женщиной, в ней было столько душевной теплоты, что все собирались около неё, как на огонёк. Когда я уезжала в Израиль, она плакала, говоря, что не будет больше у неё такой подруги, как я. Мне хотелось сказать ей много тёплых слов, но от расстройства не смогла сказать ни слова. Мы обнялись и плакали. Я ей часто звонила из Израиля, приглашала её к себе. Однажды, звоню им и прошу Сиану, которая подошла к телефону, позвать маму, но она мне ответила, что мамы нет, она умерла. Это был шок, я долго не могла говорить. Мои дети тоже тяжело переживали это известие. Ведь мы жили, как одна семья.

Описывая свою жизнь в Махачкале, хочется напоследок добрым словом помянуть моих коллег по работе. Это Валентину Ивановну Корнееву и Магдиеву Соният Сунгуровну. Мы ходили в гости друг к другу. С Валентиной Ивановной часто ходили на концерты, но сидеть спокойно с ней было невозможно. Мы столько смеялись, аж скулы болели. Спросите, почему этот смех во время концерта, а просто мы были молодыми. Моя Соният жила рядом с нами и когда мне было иногда не по себе, я шла к ней. Очень приветливая, теплая, хорошо меня принимала. У нее всегда был вкусный калмыкский чай и жареная картошка. Никто голодный не ходил, просто приятно, что тебе были рады.

И еще. К скольким я обращалась, чтобы мне дали выписку по заработной плате за любые пять лет для начисления пенсии. Никто, кроме Соният не выполнил мою просьбу. Дай Бог им всем здоровья!

Перевернули последний лист из истории мой жизни в Дагестане.

Вот на горизонте замаячил бело-голубой флаг Израиля.

Мы на свадьбе.

Мои выпускники финансового техникума.

Глава 10. Переезд и жизнь в Израиле.

Один за другим уезжают мои дети в Израиль. Первым уезжает Лёня с семьёй, потом Игорь с семьёй. Начались мои поездки в Москву, в Сохнут. Последняя поездка была со Стасиком. Наконец уезжает и Стасик. Мы с Гришей остаёмся одни. Обстановка в Дагестане начинает меняться, становится беспокойной. Появляется новое движение вахабистов, пришедшее из вне и быстро, подхваченное местным населением. Убийства, ограбления становится обычном явлением.

После убийства друга Гриши, Яна Падве и его сына, у него не остаётся сомнения, что надо уезжать. Про подготовку выезда в Израиль, про мои поездки в Москву, продажи квартиры, организации контейнеров с вещами и мебелью - можно написать целый роман – трагедию, но не стоит.

Одно только скажу, как сделав почётный круг на милицейском газике по нашему двору, мы выехали в аэропорт. Это было 5 августа 1993 года. Нас провожали Боря и Таня. Они помогли нам упаковывать вещи. Я и сейчас вижу расстроенное лицо моей сестры и как она с Борей удаляются к выходу в аэропорту. Проезжая улицы и дома по дороге в аэропорт, я подумала, что больше никогда не увижу их. Стало очень грустно. Ведь большая часть моей жизни, мои корни остались здесь. Даже когда зуб вырывают, и то бывает больно, а это большая часть жизни.

В суматохе сборов я этого пока не почувствовала. Вот мы в Москве. Беседы в Сохнуте, сборы, прощальный вече у Степановых и 10 августа 1993 года вылетаем в Израиль.

Через три часа мы в аэропорту Израиля имени Бен-Гуриона. Спускаемся по трапу самолёта. На земле нас встречают молодые девушки и парни. Они каждому вручают маленький флажок Израиля и один цветок гвоздики. Это молодёжное общество

организовали на площадке прямо в аэропорту выступление с песнями и танцами. Пригласили и нас танцевать.
Было лёгкое угощение: кофе, чай, сладости. После окончания приёма мы вошли в здание аэропорта для получения багажа и прочих обязательных процедур, таких как получение теудатоле, пособия и так далее.

Я спрашивала в дальнейшем у других репотрианитов, встречали ли так, как нас. Но как выяснилось, ни у кого не было такого приёма.

В аэропорту нас встречал Стасик с рыжей бородкой, совсем как датишный. На сохнутовской легковой машине мы приехали в Гиват Шмуэль к Игорю. Он вышел к нам в шортах, для нас это было так необычно. Посмотрев наверх, я увидела в окошке кто-то машет нам ручкой. Это Надя с нашим годовалым внуком выглядывали с окошка. Я была в восторге.

Когда мы вошли в дом, там уже был накрыт стол, отметили приезд. Вскоре Игорь принёс откуда-то шикарную двуспальную кровать. В дальнейшем, таким же образом, мы обзавелись кухонным столом, стульями и другими. Наш багаж с вещами и мебелью пришёл через три месяца.

Так мы стали обживать Израиль. Каждый вечер мы выходили гулять с Гришей в парк, где гуляли в основном наши «олимы». Парк – это громко сказано. Одна аллея обсаженная с двух сторон деревьями и кустами роз, и обставленная скамейками. Вот и всё.

Однажды днём, выйдя с Гришей на обычную прогулку, мы встретили мужчину средних лет, интеллигентного с виду, который подметал улицу. Гриша подошёл к нему и сказал: «Как минимум кандидат наук», на что он ответил: «Ошибаетесь. Главный конструктор Киевского конструкторского бюро…». Разговорились, оказалось, что в эти годы, кому за пятьдесят, здесь человек без знания языка не востребован. В начале у всех так, но потом люди по возможности учатся, заканчивают курсы, изучают иврит и так далее. Постепенно устраиваются. У некоторых другой путь. Стараются устроиться на любую работу, покупают квартиры, машины, а время на учёбу бывает упущено. Конечно, не малую роль здесь играет протекция и чуточку удачи. С сентября месяца мы с Гришей пошли в ульпан (школу) изучать иврит. Наших преподавателей звали Мейер и Мейера, вот такое совпадение имён. Уроки проходили очень интересно. Хотя они ни одного слова не знали по-русски, но могли донести до нас значение слов.

С преподавателями нам повезло. Иногда мы собирались у Анжелы, она из Нальчика, готовили домашнее задание. В основном это было обсуждение нашего пребывания в Израиле. Многое нам было непривычно, не всё удавалось, не всё нам нравилось, но жить можно было и даже нужно. Нам не нравилось как одевались израильтяне. Теперь то мы понимаем, что это единственный вариант одежды, чтобы выжить в этой жаре. Как говорит моя сестра
Таня: «Мы в Африку приехали». Они приехали в Израиль много позже. Многое из одежды, что мы привезли с собой, здесь не пригодилось. Я многое отправила посылкой нашим хорошим знакомым Степановым. Руководство ульпана организовывало много экскурсий по всей стране. Нам всё было интересно.

Одновременно с ульпаном я устроилась работать, как здесь говорят «никоёнишь» - убирать в квартирах. Эту работу можно было найти только по протекции. До этого я работала в школе. Однажды одна землячка спросила меня, где я работаю. Я сказала, что в

медицинском институте. Она так удивилась: «Как в медицинском институте, а что ты преподаёшь?» Я ответила ей: «Работаю на кафедре санитарии и гигиены. Веду практические занятия. Показываю как надо убирать квартиры». Она так долго смеялась, когда до неё дошло, что это за «кафедра». У меня был плотный график работы: учёба в ульпане, никоён, уборка в своей квартире, готовка обедов, а ещё сладкий внучёк, который давал мне силы. Времени для расстройства не было. Но однажды был срыв. Дело в том, что первое сентября, во всей моей жизни, был праздничным днём. Это начало учебного года в школе, где я училась, потом институт, потом начало учебного года в техникуме, на курсах, где я других учила. Всё это начиналось первого сентября.

Вот наступило первое сентября 1993 года, а праздника нет. Как ирония судьбы в этот день я убирала в школе.

Села за парту разревелась, отвела душу, немного отошла. Моей отрадой был мой внучёк Дебушка. Почти каждый день Гриша, я и Деби, тогда мы его называли Даханчик, ходили в пардес – фруктовый сад, в основном, апельсиновый, недалеко от Гиваш – Шмуэля. Год нашего приезда в Израиль, был седьмым годом, когда на деревьях оставляют не много плодов, наверное для бедных. Я сейчас не помню точно подробностей этой традиции. Нам повезло, мы приехали именно на седьмой год. набирали полные сумки апельсинов, садились в тенёчек под деревом, кормили Даханчика. Потом он садился за руль какой-нибудь старенькой машины их было много на свалке. Гриша немного дремал. Потом шли домой.

Стасик в этом время учился в Технионе в городе Хайфи, для получения диплома второй степени. Приезжал к нам проведать и Лёня с семьёй.

Одновременно с учёбой Стасик занимался поисками квартиры для нас. Через год он нашёл квартиру в городе Хайфе. Квартира хорошая большая: три большие комнаты, просторная прихожая, отдельная кухня. Много труда вложил Стасик в неё: поменял всю проводку, инсоляцию, в некоторых комнатах полы, заново отделал кухню, поставил новый шаяшь, благоустроил двор, зацементировал и выровнял землю во дворе, посадил цветы. Работа была сделана не малая, но и денег у него ушло, я даже представить не могу, сколько. Дай Бог ему здоровья и его братьям.

Немного позже Лёня и Игорь тоже купили квартиры. Все в районе Хайфы. Они часто приходили к нам в гости. Игорь оставлял у нас одного из своих сыновей. К тому времени у него родился ещё сынок, ему дали имя Гриши – Гершон. У Лёни тоже родился сынок Ариэль. Жизнь входила в своё русло.

Однажды возвращаясь с Гришей с рынка, мы встретили нашу землячку Зою Гаврилову. Она работала в Махачкале в магазине «Мясо-молоко», где директором был Семён, брат Гриши. Мы часто пользовались услугами этого магазина. Мы пригласили её в гости, были у неё в гостях. Так завязалось наше знакомство, которое длится вот уже почти двадцать лет. По заказу Гриши Зоя приготовила чуду «шигамбои». Я была только подсобным рабочим в этом приготовлении. Грише очень понравились эти чуду. Мы очень разные с ней по характеру, по образу жизни, но в Зое столько оптимизма, теплоты, такое сейчас очень редко встретишь. Она поддержала меня, когда заболел Гриша, а когда он умер, она многое в организации поминок, обедов взяла на себя, хотя я видела, что она не совсем здорова, ходила с давлением. Да и сейчас с годами здоровье её не стало лучше, но она никогда не ноет, не жалуется. Главным её девизом является: «Будем жить не

смотря ни на что!» своим оптимизмом она заряжает всех окружающих. С ней очень тепло и легко. Чтобы она была здорова.

Я подружилась с её дочерьми и их семьями. Они приглашают меня на все торжества и сами были у нас в гостях. Она умная, энергичная женщина, иначе как бы она смогла одна воспитать трёх дочерей, дать им образование, выдать замуж с прекрасным приданным. Сейчас девочки все устроены у всех дома, хорошая работа, растут Зоины внуки, она уже прабабушка.

Чтоб все они были здоровы.

Наша жизнь входила в своё русло. Мы закончили ультан. Наш учитель предложил мне продолжить изучение иврита в группе В, а потом поступить на курсы по специальности. У меня не было такой возможности, было много проблем по хозяйству, Гриша познакомился с несколькими преподавателями профессорами из Хайорского университета. Он предоставил им свои документы, как здесь говорят «Коротхаим», каталог своих работ, в том числе и те, что были изданы в Германии и Америке. Они пригласили его читать лекции, но нужно было хорошо знать иврит или английский. Иврит Гриша знал не достаточно, чтобы читать лекции, а английский только со словарём. Но надо было знать Гришу. С его упорством и трудолюбием он нашёл себе применение. В марте 2000 года в Москве в НИИ вышла его статья с расчётами, формулами, с диаграммами. У него был большой потенциал, который он полностью не использовал, не успел.

Гриша много читал, писал, но успевал уделять внимание и своим внукам.

Пришла пора жениться Стасику, но он был не поддающийся. Я попросила Гришу, чтобы поговорил со Стасиком в отношении его женитьбы. Мы знакомили его с некоторыми девочками, но никто ему не нравится. Недавно, вспоминая это время, Стасик рассказал как папа обратился к нему по типу той сказки о «рыбаке и рыбке»: «Смилуйся, Стасик, не даёт старику мне покоя твоя мама. Когда ты женишься». Гриша к тому времени был серьёзно болен, поэтому он торопил Стасика.

Наконец 6 июня 2000 года состоялась свадьба Стасика и Аллочки. Слава Богу Гриша успел это увидеть. Аллочка славная девочка, они друг друга стоят. Благодарю Бога, что моя старость в их бережливых руках. Когда я пишу эти строки, у них уже трое сыновей. Чтобы Бог их не считал. Вообще надо сказать, что мне и моим сыновьям повезло. У меня хорошие невестки: и Любаша, и Наденька, и Аллочка.

Пока мы жили в Хайфе, Стасик с Аллочкой жили в Петах-тикве на съёмной квартире. Дети Игоря приезжали к нам каждые пятницу и субботу. Они жили в районе Хайфы в городе Нешер (Орёл). Однажды, когда Гершон, сын Игоря, гостил у нас со своей мамой, Стасик с Аллочкой приехали к нам с сыночком Габриэлем первый раз.

Естественно, мы все бросились рассматривать маленького Габриэля. Все восхищались им, хвалили, сюсюкались с ним. Гершон подошёл к нам, постоял, посмотрел на всех и сказал: «Всё равно я лучше, я самый сладкий». Ведь до рождения Габриэля, он был самый младшенький, самый сладкий и внимание было к нему. И вдруг все кинулись хвалить другого. Он не мог знать, что для меня все внуки наши самые сладкие внуки в мире.

А жизнь идёт дальше. Болезнь Гриши стала прогрессировать. Эту болезнь он привёз ещё из Махачкалы. Первые годы жизни в Израиле он чувствовал себя хорошо, забыл про болезни суставов. Здесь тепло даже зимой, это было хорошо для его костей. Но со временем эта болезнь стала давать о себе знать. Надо отдать должное израильской

медицине, она на высоком уровне. Он проходил хорошее лечение. Ему назначали переливание крови и вливание такого лекарства, как «Аредия», которое мы получал по разрешению министерства здравоохранения.

После этих процедур он чувствовал себя хорошо. ещё он получал химиотерапию и облучение. Гриша так хорошо себя почувствовал после всех этих процедур, что поверил в полное своё исцеление, и я старалась убеждать его в этом. Со своей невесткой Наденькой допоздна играли в нарды, а когда кончались
деньги, переходили на прищепки. Каждый вечер мы выходили гулять. В парке он играл в шахматы, но чаще он смотрел и подсказывал играющим. Его так и прозвали «наш тренер». После четырёх лет, лечения процедуры пришло делать чаще и чаще. Когда неделю, когда - две, он лежал в больнице. Я была почти целыми днями рядом, уходила, когда он засыпал. Дети постоянно ходили проведывать его. 26 декабря 2000 года Грише не стало. Мы знали о его болезни, но когда это случилось и его не стало, для нас его смерть стала шоком, трагедией.

Светлой памяти его.

Говорят, что свято место пусто не бывает. 27 декабря похоронили Гришу, а 28 декабря родился сынок у Стасика Габриэль. Дай Бог, чтобы он жил до сто двадцати лет. Через год Стасик взял меня к себе, а квартиру мы сдали в наём. Через некоторое время Стасик купил квартиру в Петах-тикве, а квартиру в Хайфе мы продали. Новая квартира на двух уровнях. Я разместилась наверху. Совершенно отдельная квартира со всеми удобствами. Сейчас Стасик живёт в другой квартире, тоже на двух уровнях, но больше прежней. Лёня свою квартиру продал и купил другую побольше с видом на море. Игорь свою квартиру сдаёт, а себе построил, в лесном массиве в кибуце, трёхэтажный дом на севере.

Дай бог им всем здоровья.

Старшие сыновья Лёни и Игоря закончили службу в армии, а младшие заканчивают школу. У Стасика в новой квартире родились ещё двое сыновей, Идан и Лиор, чтобы они все были здоровы.

Хочется вспомнить об одном случае, который произошёл у нас в этой квартире. Однажды, поздно ночью, я услышала какой-то шорох. Конечно, я испугалась, так как наверху я живу одна. Положила возле себя каталку и стала ждать, включила свет. «Пусть знают, что я не сплю», - подумала я, а выйти посмотреть боюсь. Под утро звуки повторились. Вооружившись палкой, я вышла в коридор. Что вы думаете?! На маленькой скамейке в коридоре сидел белый голубь. Он залетел, а вылететь ночью не мог и всю ночь просидел в комнате. Я его вывел на балкон, немного покормила, «поговорила с ним», и он улетел. Всю квартиру и весь балкон я вымыла тщательно. В это время в стране все говорили о птичьем гриппе. История на этом не кончилась. Белый голубь стал прилетать каждый день. Я не могла его не накормить. Он был такой красивый, белоснежный. Так голубь прилетал к нам в течение трёх лет. Это была голубка. Через некоторое время она стала прилетать с сизым голубем. Так на постой у меня стали два голубя. Однажды, после трёхлетнего пребывания у нас Гулечки, как и в первый раз, она залетела к нам в комнату и так очень грустно смотрела на меня. Я как обычно покормила её, поговорила с ней и она улетела. Больше я её не видела. Обычно я её звала - Гуля, Гулечка и если

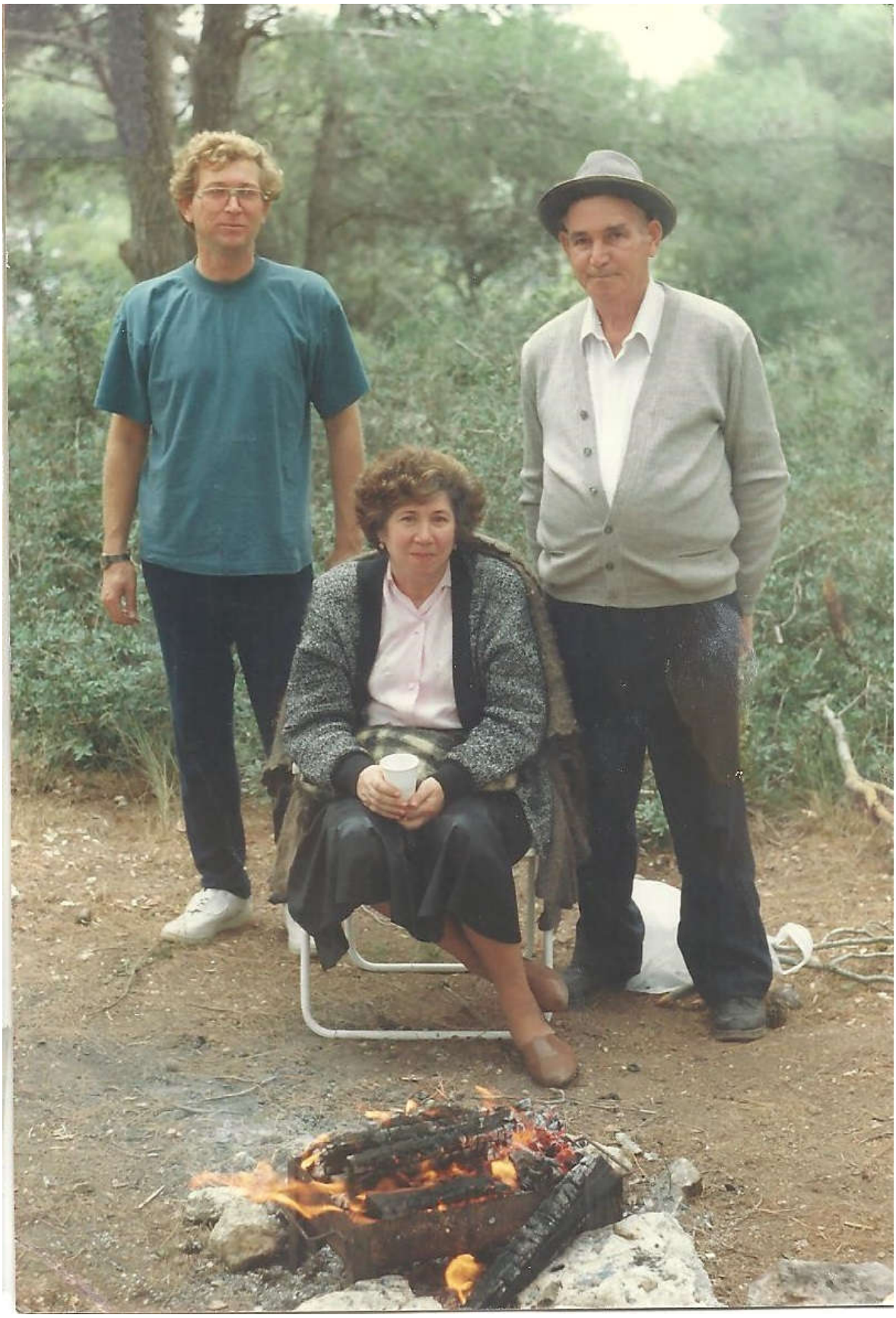
она была где-то поблизости, на крышах других домов, она прилетала. На этот раз Гулечка не прилетела. Много дней я выходила на балкон и утром, и вечером звала её, но она так и не прилетела, а я так к ней привыкла.

Я почему вспомнила о Гулечке. Какой-то момент мне показалось, что душа Гришина переселилась в этого голубя, и он прилетел проведать нас. Вы скажете, у Светы «крыша поехала». Может быть. Очень хочется верить в эту легенду, а может просто это моя тоска по нему говорит во мне, но ни Гришу, ни Гулечку уже не вернёшь.

А жизнь продолжается.

На свадьбе Стасика.

На день рождении Лени.

Семья Стасика.

Семья Лени.

Семья Игоря.

Братья Матаевы.

Бритмила Лиора.

Моя Зоя.

Глава 11. Культурно-развлекательная программа в Израиле.

Несколько слов мне хочется сказать о моём житие бытие в Израиле. Моя жизнь не ограничивается только помощью и воспитанием детей.

Каждый год я еду дважды на мёртвое море. Есть у нас такой «великий деятель» Софа. Она организует эти поездки для наших русскоязычных «олим», в апреле и в сентябре. Выезжаю за границу, тогда на мёртвое море еду один раз в год. Была во Франции, в Англии, в Карловых Варах, Петербурге дважды (теперь это для нас тоже заграница). Являюсь членом землячества Москва-Ленинград. Это землячество организует встречи, отмечают дни рождения, экскурсии. Хожу на концерты артистов из России.

Была на концертах: Зураба Саткилавы (солиста Большого театр) с Гришей, симфонического оркестра «Виртуозы Москвы» под управлением Спивакова, на концерте «Хора Турецкого», Валентины Толкуновой, Леонида Серебренникова, Иосифа Кобзона – на его сольных концертах и с военным ансамблем, с Александром Розенбаумом, на концерте ансамбля «Доктор Ватсон», «Лесоповал», Малинина Александра, Ларисы Долиной, ансамбля «Лезгинка» и многие другие. Всех не упомнишь за двадцать лет.

Хожу на концерт солистов израильской эстрады, на экскурсии по Израилю вот вчера вернулась с однодневной экскурсии по нижней Галлии и так далее.

Глава 12.Теперь хочется вспомнить некоторые моменты поездок за границу.

Я жила в государстве «железных ворот», где не всем можно было даже думать о странах капиталистического мира. К счастью, Израиль дал мне эту возможность.

Первый мой выезд из Израиля за границу была Франция. Есть такая крылатая фраза: «Увидеть Париж и умереть». Как видите, жива. Я предполагала, что увижу нечто особенное, необыкновенно, куда в своё время после революции, устремилось русское дворянство.

Ничего такого, что могло меня удивить, я не увидела. Может, потому, что я много лет пока училась, прожила в Ленинграде. А после этого города, меня мало чем можно удивить.

Всё виденное я сравнивала с Ленинградом. Многое было похоже. Ведь сам Ленинград, точнее Петербург, строился архитекторами из Франции, Голландии и, конечно же, русскими. Знаменитый Лувр, с его богатой коллекцией картин, более масштабный, огромный по размерам, но Эрмитаж красивее. Это моё субъективное мнение. Эрмитаж ослепительно красив! Не зря же в наше время глава Правительской делегации из Америки, увидев богатства нашего Эрмитажа (видите, я до сих пор мыслю по-русски, «нашего»), залы Московского Кремля и других российский дворцов, воскликнул: «У вас столько богатства, а вы просите помощи». Из картин Лувра мне запомнилась картина «Коронация Наполеона». Картина впечатляет не только своим размером, но глубоким содержанием, тем более, что мы знаем некоторые детали этой истории. Второй по значимости музей Дорсе, расположенный в здании бывшего железнодорожного вокзала. Впечатляет музей скульптурами Родена, особенно скульптуру «Весна». Я боюсь ошибиться, может быть это не Роден, но скульптуру я ясно представляю, эту прекрасную пару молодых, олицетворяющих молодость.

Очень понравился город Версаль, немного напоминает город Ленинград своей архитектурой. В одном из залов Версальского музея, нам показали зал, где подписал своё

отречение от престола Наполеон. Одной из главной достопримечательности Лувра считается картина Леонардо да Винчи «Джоконда» или «Мона Лиза».
Много загадок кроется в этой картине. Недавно по телевизору я слышала, что Леонардо да Винчи писал эту картину с жены очень богатого известного его друга. По другой версии её имя является анаграммой слияния двух начала – египетского бога Амон – бога мужской силы и египетской богини плодородия Изис, в древности Лиза. Из чего получается А`МонЛиза – Мона-Лиза. Есть и другие версии происхождения этого имени. Очень понравились нам, и запомнились наши гуляния по вечернему Парижу с нашей группой. Сидели в ресторане, угощались устрицами, катались на теплоходе по Сене. Париж есть Париж, он неотразим в своей красоте, но Ленинград красивее, лучше» (а олени лучше!).

Поездка в Англию была не менее интересна. Как-то идём по улице Лондона и встречаем кого бы вы думали – наших мушкетёров, нет, точнее «гвардейцев кардинала». Это наши датишные, религиозные евреи, живущие в Лондоне. Так же одетые как наши датишные-религиозные. Мы поздоровались с ними, сказав им Шалом, манишма. Он обрадовались, узнав, что мы из Израиля. Пригласили нас на празднование пейсаха в специальном зале. Цена была чисто символическая. Наших собралось много. Стол был накрыт шикарно, по всем правилам иудаизма. Здесь я увидела настоящие еврейские танцы. Вечер прошёл очень интересно.

Запомнился хорошо «приём у короля Генриха VIII». Отличное представление, которое специально проходило в зале со сводами в средневековом стиле.

Париж красивый, Лондон величественный, а Ленинград лучше.

Немного о поездке в Карловы Вары. Там хорошо не только отдыхать, но и подлечиться. Имеется лечебная вода по номерам как в Кисловодске. Я выполняла все назначения врача в точности и купание в бассейне. Купила входной билет в бассейн, переоделась, накинула на себя полученную простынь, как греческую тунику и пошла в зал, где находился бассейн.

Войдя в зал, я остановилась как вкопанная с открытым ртом. Туда-сюда ходят голые женщины и мужчины. Я ничего не поняла, думала, что это мне показалось, но, посмотрев ниже, поняла, что мне не показалось. Я пулей выскочила из зала, подошла к администрации и выяснилось, что у них после обеда купаются все вместе, а утром отдельно. Мне предложили придти на завтра с утра.

Жалко, что я была одна, вот бы от души посмеялись бы.

О поездке в Ленинград много писать не буду. Мне всегда там было интересно, не потому, что посещала театры, музеи с Люсей, а встречи с моими однокурсниками. Одна парная Люсина на её даче что стоит. Я очень старалась, чтоб и им было у нас в Израиле интересно. Возила их на Мёртвое море, в Эйлат. Когда они, то есть Люся и её сестра Валя, уезжали, я плакала. Мне так было хорошо с ними, легко и тепло.

Ну а теперь о Болгарии. Я трижды ездила туда. Первые впечатления бывают самые интересные.

В этом представлении участвовали не только артисты, но и мы сами, перенеслись во времена Генриха VIII. Началось представление с выхода короля со свитой. Мы в это время сидели за длинными столами у стены. Потом вышли придворные дамы с рыцарями

в средневековых костюмах и начались танцы. Потом танцы сменились битвами воинов на мечах и так далее.

После представления нам подали шикарный ужин. Была и рыба, и мясо, и пироги, и даже какой-то суп с пышками, похожий на наш гуреки. После обеда нас пригласили танцевать. Мы не могли не согласиться потанцевать под руку с королём. Были мы в замке Уорик, где увидели целые сцены с восковыми фигурами в натуральный рост. Можно было сфотографироваться с ними. Была там такая сцена. У камина стоит молодой Черчилль с трубой и разговаривает со своим отцом, который сидит на диване. Так всё правдоподобно, что хотелось подойти и потрогать руками. С таким мастерством были сделаны эти фигуры. Очень интересно проходила смена караула у Букингемского дворца. Видела Виззорскиий замок, где в то время находилась королева Елизавета. Посетили оксфордский университет, дом героя писателя Конан Дойла Шерлока Холмса на улице Бейкер стрит, в доме Шекспира. Гуляли в Гайд-парке, вечером – по улице Пикодильи и многое другое, разве всё напишешь, да и не упомнишь всё. Если сравнивать Лондон и Париж, можно сказать Лондон величественный, Париж красивый, а Ленинград лучше.

Ну а теперь о Болгарии, я трижды была там. Первые впечатление были более яркими. Менеджер гостиницы «Девен» Эмилия хорошо организовала наш досуг. Каждый день мы принимали три процедуры в течение двух недель. Выезжали в города Смолян, Пловдив, Софию, Тампорово и другие города. В пригороде Тампорово находился прекрасный огромный водоём, где разводили форель. Часть группы, в основном женщины, поехали осмотреть город и сделать шопинг, а мужчина остались на рыбалку. К нашему возвращению мужчины уже наловили много рыбы, ровно столько, чтоб хватило на всех. Их пожарили в специальной печи. К рыбе нам подали отличное пиво, кроме этого были приготовлены салаты, арбуз. Отдохнули отлично. Ещё мы ездили в Струлицу, где находились два бассейна с термальными водами, один огромный для взрослых, а другой поменьше - для всех. Вокруг бассейнов на траве были приготовлены лежаки, кресла рядом кафе. Там же были и джакузи и маленький водопад, который падал с такой силой, что никакой массаж не нужен был. От бассейна шла дорога по тропинке в лес к естественным водопадам, к горной речке. Кругом сопровождала нас сказочная природа, высочайшие горы, покрытые соснами. Надо отметить, что сам курорт «Девен» находится в окружении гор и напоминает мне немного наш Буйнакск, только наши горы покрыты не соснами, а кустарником. Вода, поступающая в краны гостиницы, считается лечебной. Кроме этого была прогулка на открытом джипе по интересным, историческим местам окрестностях Девена, по древним захоронениям так далее.

Эмилия организовала нам встречу с фольклорной группой. Они пели нам песни, показывали народные танцы Болгарии, играли на народных инструментах. Был заранее заказан обед из свежей баранины. Только что освежованого барана при нас зажарили на вертеле у специальной печи. Стол был накрыт хорошо, к барашку подали прекрасное вино, а на десерт подали пироги. Начались танцы под народную музыку. Между прочим, их музыка напоминала нашу «Кайфуем». В последующих поездках всё это было но не с таким размахом. В третьей поездке в Болгарию я была с Любой, которую я знаю более десяти лет. Мы с ней не раз отдыхали на Мёртвом море, были на экскурсиях. Нам вместе никогда не было скучно.

Между прочим, после первой поездки моей в Болгарию, мы с нашим руководителем группы Женей решили организовать встречу. Очень интересный состав группы был, мы все подружились, а в конце срока гуляли в ресторане.

Так вот эта встреча была у нас дома. Ведь наша квартира на двух уровнях. На втором этаже балкон 50 м^2. Я приготовила плов, долма и холодец. Все приносили кто что мог – салаты, пироги, выпивку, конфеты в коробках. Вечер прошёл прекрасно, после обеда, мы накрыли чайный стол. Пели, пили, танцевали, короче оторвались по полной.

Вот незаметно я подошла, в своём повествовании, к сегодняшним дням. На этом моя жизнь не кончается, но можно подвести кое-какие итоги.

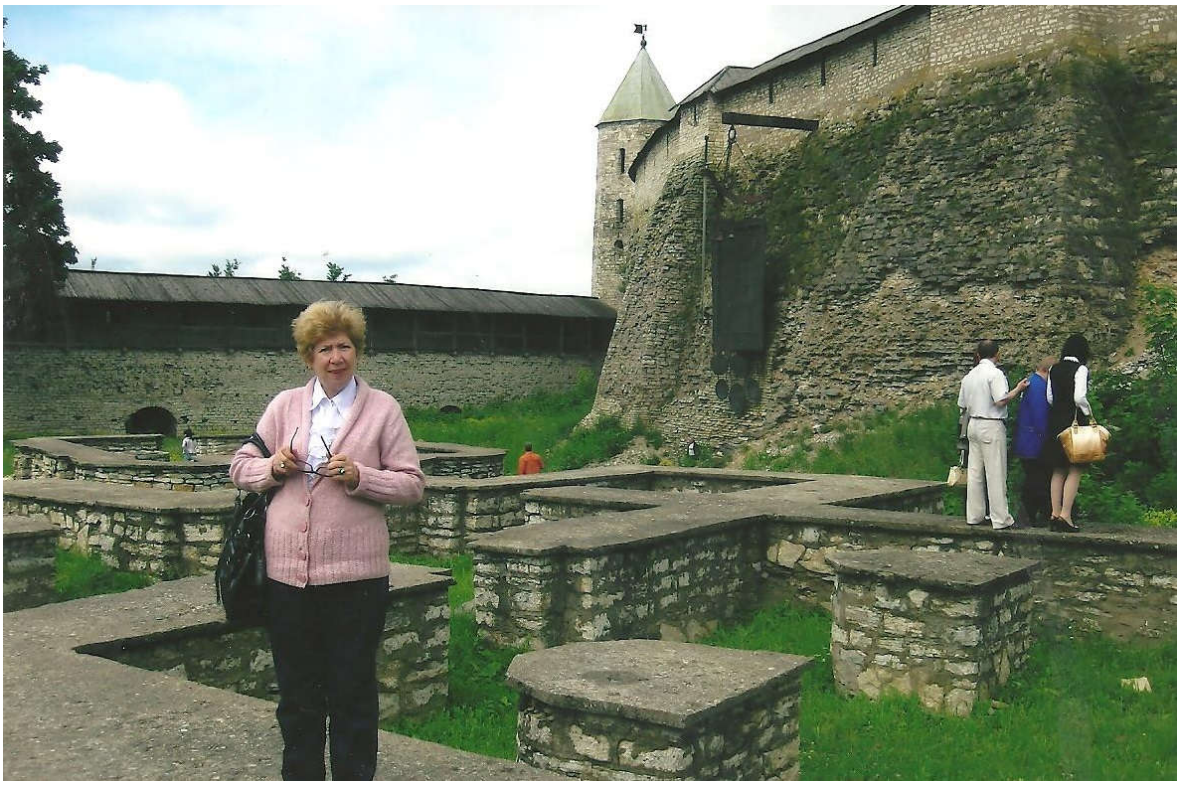
Встреча с Валентиной Толкуновой и Леонидом Серебрениковым.

На концерте группы Ватцон.

Карловы Вары.

Псков.

Мы с Люсей.

Санкт-Петербугр.

Петергоф.

Катерина. Дочька моего брата Коли.

Глава 13. Вместо заключения.

Прочитав всё написано мною, я поняла, сколько ещё прекрасных моментов осталось за кадром. Многое приходит на память. Говорят, хорошее запоминается на долго, а плохое забывается. Я бы так не сказала. Просто острота тяжёлых моментов с годами притупляется, не так уже режет по сердцу. Не всё было в моей жизни так радужно. Были и тяжелые ситуации, очень тяжёлые, связанные с состоянием моего здоровья, по семейным обстоятельствам, по работе. Слава Богу, всё позади. Я всегда с большим оптимизмом смотрю на жизнь. Как бы тяжело не было, я не ною, не жалуюсь, всегда смотрю вперёд с надеждой на лучшее будущее и, оно, чаще всего, не обманывает. Вспоминаю изречение Царя Соломона: «Всё проходит, и это пройдёт».

Оглядываясь назад, скажу, что я прожила и продолжаю проживать интересную, счастливую жизнь. Мне это не было преподнесено на «блюдечке с голубой каёмочкой». Мне пришлось приложить не мало труда, терпения, не лезть на рожон в некоторых случаях, промолчать. Может, в этом мне помогла ещё и удача, немного везения.

Как говорится в той песне: «А жизнь продолжается…». Хочу пожелать моим детям, внукам крепкого здоровья, много семейных радостей, спокойного неба над Израилем. Этого я желаю всем, кто меня знает. Чтобы не было горя, чтобы только на радостях мы встречались! Аминь!

Хочется закончить свою летопись словами поэта Дементьева:

«Быть стариками не простая штука,
Не все умеют стариками быть.
Дожить до старости ещё не вся наука,
Куда трудней достоинство хранить.

Не требовать излишнего внимания,
Обид, претензий к близким не копить.
До старческого не дойти брюзжанья,
Совсем не просто стариками быть».

Всем нам до сто двадцати лет прожить.

Ноябрь 2013 года.
Петах-тиква.
Израиль.

Оглавление

Глава **страница**

1. Вступление ……1
2. Краткий экскурс по местам моего рождения и моих предков ….2
3. Детские годы……..9
4. Школьные годы……11
5. Поступление в институт……..12
6. Студенческие годы……...17
7. Студенческие годы и лыжные походы,
   И шумный молодёжный карнавал…… …….24
8. Начало моей трудовой деятельности …….33
9. Моя жизнь в Махачкале ……..37
10. Переезд в Израиль ……...…...63
11. Культурная программа в Израиле ……...66
12. Поездка за границу ……...……67
13. Вместо заключения ……...……74